

The illustration depicts a young girl with long, vibrant green hair and a pair of small, dark red horns. She has large, expressive blue eyes and is wearing a light blue, off-the-shoulder dress with a green sash. She is standing in a forest at night, with her hands near her hair. The background features dark, gnarled tree trunks, a bright yellow crescent moon, and several yellow stars against a deep blue night sky. The overall style is reminiscent of anime or fantasy art.

ЕЛЕНА ЛЕНСКАЯ

ВСЕЛЕННАЯ
ПАССАЖА

Елена Ленская

Вселенная пассажи

«Автор»

2017

Ленская Е.

Вселенная пассажа / Е. Ленская — «Автор», 2017

Сборник "Вселенная пассажа" — место, где собрались самые крутые художники, дизайнеры и иллюстраторы не только из профессионалов с городов России и Беларуси, но и любителей из Самары! А ещё он озвучен! Приглашаю оценить творчество моих художников и побывать в разных вселенных моего творчества. В конце сборника вы можете найти ссылки на страницы авторов иллюстраций.

© Ленская Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Око	12
Гровел	27
Ковчег	39
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Ленская

Вселенная пассажа

Выражаю огромную благодарность своей дорогой свекрови Екатерине Борисовне за помощь в редакции сборника, подруге Екатерине за поддержку, любимой маме Любове Васильевне за теплоту и понимание, и детям Даниле и Дарине за вдохновение!

Люблю вас всех безмерно!

ВСЕЛЕННАЯ ФЭНТЕЗИ

Добыча

Череп оскалился забитыми грязью зубами, зло уставился пустыми глазницами. Виталий выбросил кости и несколько раз ковырнул могилу сапёрской лопаткой. Тяжёлая влажная земля наконец сдалась и явила его глазам свои сокровища.

– Чёрт!

Он осторожно вытер находку о штаны. На ладони мрачно блеснула острыми гранями медаль.

– Золотая звезда! – выдохнул Виталий. – Чёрт!

Нетерпеливо копнул ещё, ниже, делая неровную канаву. Показалось что-то вроде кобуры. Виталий дёрнул сильнее, ухватив пальцами ветхий кончик кожи и неожиданно вырыл ещё несколько тёмных, грязных костей. Суетливо отбросил ненужное, разбросал липкие комья земли и ахнул! В руки просился проржавевший от времени пистолет. «Вальтер!» Новичкам, говорят, везёт. Всего два дня в лесу, а уже нашёл безымянное захоронение, нарыл настоящее сокровище. И это только начало! Расковырял могилу, расшвырял оставшиеся кости, истлевшую одежду, но ничего стоящего больше не нашёл. Убрал добычу в рюкзак и, оглядевшись, начал медленно пробираться сквозь старые ели, выискивая приметные холмики, воткнутые в землю палки. Сверялся по компасу, но вдруг понял – заблудился.

Поначалу шёл, пытаюсь угадать направление, несмотря на взбесившийся навигатор. Не впервой блуждать в белорусских лесах. Небольшой, но всё же имевшийся опыт недавних сту-

денческих турпоходов гасил панику. Он достал из кармана «штормовки» многократно сложенный лист тонкой бумаги, это была собственноручно переведённая на кальку карта, которой Виталий разжился за две бутылки коньяка и пару сотен рублей. Определившись, парень решил выходить из леса – ночевать в чащобе он не планировал. Подумал и достал из рюкзака «Вальтер» – оружие приятно тяжелило ладонь. Он пробирался сквозь буреломы, обходил небольшие, заросшие ряской лужи-болотца, иногда играл – целился из пистолета в гнилые пни, имитируя выстрелы.

Вскоре показался просвет среди деревьев, Виталий с облегчением направился к опушке, смело шагая по сытно чавкающим лужам и не успел даже охнуть, когда земля под ногами неожиданно провалилась. Вода резко стала вязкой, потянула вниз. Рванувшись, Виталий ухватился за ветку ивы, но та переломилась и болото, довольно урча и пыхтя, с ещё большей силой потащило его вниз, жадно засасывая в ненасытное брюхо. Поначалу он пытался выбраться, стараясь не намочить рюкзак, но погружался всё глубже. Вскоре понял, что тяжёлый мешок за спиной тянет вниз. Сумев избавиться от ноши, он снова потянулся из трясины, одной рукой загребая мутную воду, в другой зажимая ржавый пистолет. Виталий в ужасе замахал руками и закричал, словно его истеричные вопли могли напугать бессердечную трясину. Погрузившись в ненасытное чрево болота с головой, он продолжал орать, будоража вонючую жижу хаотичными движениями рук, пытаясь не утопить пистолет... Всё...

Кто-то схватил его и с невероятной силой потащил на поверхность. Оказавшись на берегу, парень долго бился в судорожном кашле, хрипло втягивал в себя воздух, выплёвывал грязь. С трудом восстановив дыхание, вытер лицо дрожащими руками и увидел маленькие грязные ступни, нетерпеливо приплясывающие на мокром мху. С трудом перевернулся на спину, чтобы разглядеть своего спасителя, но испуганно, даже истерично заорал, пытаясь отползти подальше. Тощая тварь с человеческими ногами, длинным гибким телом и рыбьей мордой, наряженная в рваный грязный балахон стояла над ним, протягивая тонкие руки с крючковатыми пальцами.

– Ты чего? – обиженно спросило чудище.

Виталий моргнул, ещё раз протёр глаза и с удивлением обнаружил, что перед ним стоит симпатичная девушка в пропитанном болотной жижой платье, смотрит на него с укором и осуждением.

– Ничего, – растерянно ответил Виталий. Надо же, почудилось. – Прости. Спасибо!
– Зачем в болото полез?

Девушка упёрла руки в бока и посмотрела на Виталия, укоризненно покачав головой. Длинные русые волосы, по самую макушку вымазанные грязью, облепили хрупкие плечи, к щеке прилип берёзовый лист, с подбородка свисала тонкая нить тины.

– Заблудился, – совсем успокоившись, ответил Виталий. – Как же ты меня вытащила?
– Руками! – весело хохотнула девушка. – Идти можешь? Я тут недалеко живу.
– Да. Спасибо!
– Пошли! Вот так добыча у меня сегодня!

Она вела его по едва заметным тропинкам, иногда подавая руку, чтобы помочь перебраться через поваленное дерево или протиснуться сквозь кустарник. И всякий раз Виталий с удивлением отмечал невероятно сильную хватку тонких пальцев.

Маленький домик, удивительным образом затесавшийся среди двух могучих елей, уныло сверкнул одиноким окошком, устало скрипнул покосившимся крылечком.

– Ты здесь живёшь?

Виталий дёрнул девушку за руку, попытался остановиться, почему-то испугавшись полуразвалившегося теремка.

– Да пошли уже! – спасительница весело засмеялась, ухватила парня за руку покрепче, потянула за собой.

– Теперь и ты со мной жить будешь!

– Я? Подожди...

Резко налетел ветер, порывистый, грозный. В сумраке леса тут же исчезли тёплые солнечные дорожки, деревья натужно застонали, потревоженные ворвавшимся ураганом. Холодный дождь острыми каплями застучал по прелой листве. Но даже вмиг продрогнув от ветра, Виталий не мог заставить себя войти в странный дом. Он всегда доверял своему чутью, вот и сейчас, изловчившись, вывернул руку и отбежал подальше. Девушка медленно повернулась, удивлённо уставилась на парня, махнула ему рукой, приглашая следовать за собой. Виталий сделал несколько шагов назад и вдруг, попал в тишину, снова увидел солнечные дорожки, услышал тихий шум спокойной листвы.

– Что за чёрт?!

А его спасительница продолжала стоять в бешеном вихре, протягивая к нему тонкие руки и призывно манила к себе. Повинуясь страху, Виталий рванул в лес. Обернулся и заорал, увидев в бешеном танце ветра тварь, которая привиделась ему на болоте. Монстр, наряженный в платье спасительницы, скалясь острыми клыками и пронзительно визжа, вприпрыжку бросился за ним.

Виталий в ужасе метался среди деревьев, пытаясь выбрать направление и убежать как можно дальше, но каждый раз натёкался на злобный оскал и зажимал уши от невыносимого визга. В голове металась одна мысль: это оборотень! Настоящий!

Парень долго плутал по лесу, шараясь от твари, упрямо гонявшей его по кругу и наконец, выбившись из сил, устало свалился под дерево, с трудом справляясь со сбившимся дыханием. Монстр склонился над ним, показывая острые клыки, зло сверкая большими рыбьими глазами.

– Кто ты?! – прикрывая лицо рукой и отворачиваясь от отвратительной морды, захрипел Виталий. – Что ты такое?!

– Я мавка Марьяна. – В один миг чудовище преобразилось и снова стало обычной девушкой. – Не надо меня бояться. Я твоя, а ты теперь мой!

Виталий сжался, застыл, не веря в то, что с ним происходит, а потом уткнулся лицом в землю и истерично захохотал.

– Ты смешной! – произнесла Марьяна и, схватив его за руку, потащила на поляну. – Никуда ты не убежишь. Она ещё что-то лепетала, а Виталий всё никак не мог успокоиться, смеялся и плакал, позволяя себя тащить. И снова возле избушки ревел неистовый ветер, ледяной дождь зло вгрызался в землю, хозяйничала серая мгла.

Внутри маленького домика, на удивление, было чисто и уютно. В единственной комнатке пахло травами, в маленькое окошко, наперекор урагану снаружи, весело заглядывал лучик солнца, тёплым кружком свернувшись на дощатом полу. Мебели было совсем немного, самое необходимое: узкая кровать, застеленная тёмным покрывалом, стол с двумя стульями и старенький покосившийся шкаф. Усадив обезумевшего от страха Виталия на стул, Марьяна села напротив, вздохнула и сказала:

– Ладно, слушай. Я мавка Марьяна. Давно такого, как ты искала. Много кого наше болото себе забрало, но мне только ты по нраву пришёлся.

– Так не бывает! – с трудом произнёс Виталий, испугавшись своего сиплого, усталого голоса. – Так не бывает, ничего этого нет!

– Бывает, – ласково улыбнулась мавка, придвинулась ближе, схватила Виталия за ноги.
– Давай сапоги сниму, а то замёрз весь. Ты мой теперь! Мой!

Виталий безропотно повиновался. Она ловко стащила с него сапоги, а потом и одежду. Уложила в кровать. Затем стянула с себя мокрое грязное платье и замерла перед ним. Виталий скользнул безразличным взглядом по небольшой груди, тонкому стану, длинным стройным ногам. Мавка склонилась над парнем, ласково провела ладонью по его щеке и вдруг отпрянула, ринулась к двери, но на пороге остановилась и тихо, ласково произнесла:

– Я на охоту. Жди меня, милый, я скоро!

И выпрыгнула на улицу.

Он выждал какое-то время, потом осторожно встал на скрипучие половицы и медленно, на цыпочках пошёл к двери. Бежать!

Рука замерла у дверной ручки. За порогом что-то стонало и скрипело ступеньками, тихо скреблось, словно пытаясь войти внутрь. Виталий отступил, вернулся к кровати и, забравшись с ногами, вжался спиной в дощатую стену. За окном резко потемнело, дремавший на полу солнечный лучик, проснувшись, суетливо пробежал по стене и пропал в тёмном углу, словно испугавшись вошедшего в комнату сумрака. Неожиданно резко наступила ночь. Густая тьма в углах комнаты по-хозяйски клубилась, подползала к окошку, возилась возле кровати. Виталию казалось – стоит спустить ноги, и тут же его схватит живая мгла, сожмёт, раздавит, разорвёт. И раскидает по лесу обглоданные кости, как он недавно разбрасывал останки из безымянной могилы. Он затаился, словно умер...

С рассветом беспокойные тени устало разбрелись по углам. Тихо скрипнула дверь, мавка, в истинной ипостаси, взъерошенная, усталая, остановилась на пороге, встряхнулась и обратилась в Марьяну. Подошла к кровати, легла на самый краешек, бесцеремонно схватила Виталия за шею и заставила лечь рядом. Скользнула холодными губами по его щеке, прикрыла глаза и замерла.

Он ждал, не отрывая взгляд от безмятежно спящей девушки. Милое личико, расслабленное сном, совсем не вязалось с истинной натурой злобного монстра. И это придало решимости – Виталий осторожно слез с кровати, снял с верёвки подсохшую одежду и на цыпочках подошёл к двери. Молясь, чтобы не скрипнули старые петли, вышел на улицу и со всех ног бросился в лес. Он бежал, не разбирая дороги, страхась увидеть среди деревьев разъярённую мавку, пока вдруг не наткнулся на людей. От неожиданности сбился, споткнулся и кубарем полетел навстречу двум мужчинам, идущим по тропинке. Камуфляжная форма, ружья за плечами.

Охотники!

– Мужики! – закричал Виталий. – Помогите! Помогите, мужики!

Те продолжали спокойно идти, тихо переговариваясь. Виталий бросился к ним, попытался схватить одного за рукав, но ладонь легко прошла сквозь плотную ткань куртки. Он растерялся, попробовал ещё раз, и ещё, орал, кидался на спокойно идущих по лесу людей.

Так не может быть, так быть не может!

– Не устал ещё?

Он вздрогнул, услышав за спиной знакомый голос. Сжался, медленно обернулся. Марьяна устало вздохнула, подошла, схватила его за руку и резко дёрнув, потащила за собой.

– Не хочу! – истерично закричал Виталий. Попытался вырваться, толкался, но мавка даже шагу не сбавила.

Из-за деревьев резко показалось знакомое болото. Обманчиво-спокойное, затаившееся, поджидающее. Марьяна заставила Виталия сесть, а сама смело вошла в мутную воду, погрузи-

лась с головой в вязкую тину и пропала. Парень нервно хихикнул, сжался комком на влажной от росы траве и, не мигая, уставился на то место, где только что добровольно утонула мавка.

И что? И всё?

Но вот, вода в болоте заволновалась, почернела, пошла вонючими пузырями и показалась Марьяна, облепленная тиной. Она тащила что-то большое, грязное и тяжёлое. Марьяна выбралась на берег, вытащила находку и кивнула оцепеневшему парню:

– Глянь.

Виталий дёрнулся, отпрянул, разглядев в комке грязи человеческое тело. Голова трупа повернулась к нему, из открытого в немом крике рта вылилась тонкая струя болотной жижи. Марьяна заботливо обтёрла утопленнику лицо ладошкой.

– Ну, понял? Я не тебя, душу твою из болота вытащила. Мой ты теперь!

Виталий сжался в комок и долго, не отрываясь, смотрел в собственное обезображенное смертью лицо.

Всё-таки утонул...

– А коли не любя я тебе, – заорала мавка, обернувшись своей ипостасью, – так мигом душу в болото верну! Будешь со мной?!

Виталий в ужасе замер, обхватив себя руками, не в силах оторвать взгляд от чёрного «Вальтера» в руке утопленника.

Око

Светлана не спеша вышла из подъезда и, ожидая появления Павла, села на широкую лавочку у раскидистого тополя. На улице стояла душная июньская жара, и только тени деревьев спасали от зноя. Девушка тяжело вздохнула, с трудом настраиваясь на предстоящую работу. Семестр в этом году заканчивался очередным заданием к курсовой. Времени дали мало, да ещё тему задали глупую. Она будущий журналист, работать собирается в серьёзном издании, создавать сенсации, а ей досталось писать какую-то чушь. Сейчас с удовольствием брала бы сейчас интервью в мэрии или ваяла статью про убийства, приобщившись к работе сыска, благо знакомства имелись. Но так случилось, что писать предстояло про магию и мистические истории города. Бред! Какая мистика? И где взять доказательства того, что магия вообще существует?

Девушка сердито отвернула крышку с пластиковой бутылки и сделала большой глоток воды.

Из-за угла дома показалась дворник тётя Таня, ловко орудуя метлой. Она работала на совесть, начисто выметая пыль с дорожек. И всем своим видом опровергала прилипший к дворникам неряшливый образ: аккуратно одетая, с лёгким макияжем, в прекрасном настроении. Портила её ухоженный вид оранжевая, не по размеру огромная жилетка на хрупких плечах. А кому пойдёт одежда такого кроя и ядовитых расцветок? Но даже жилет на тёте Тане был чистым и отглаженным. Она легко махала метёлкой, мурлыкая какую-то песенку.

Света засмотрелась на женщину и снова вздохнула. Но если подумать, что такого плохого в её задании? Это не конец света. Мистика... Да вот она, прямо перед ней. Как можно на копеечную зарплату выживать и улыбаться? Тайна!

Наконец появился Павел, увидел Свету и направился к ней, прибавив и без того быстрый шаг. Несмотря на летнюю жару, на нем были чёрные кроссовки, чёрные шорты ниже колен и чёрная майка с огромным черепом на груди. Он на мгновение остановился рядом с тётей Таней, поздоровался и продолжил забег.

– Офигеть! – Павел резко бухнулся на скамью, выхватил у Светы бутылку и выпил сразу половину. – Это не погода, это Ад! Жесть, вообще. А тут у тебя хорошо, – он pokrutil головой,

оглядывая двор, – прохладно! Как в другом мире, блин! Сидел бы и сидел... Так, напарник, – он достал из сумки планшет, включил, – раскладка есть? План готов?

– Думала, ты составишь, – с лёгким безразличием ответила Света.

– Ка-анешна!

В отличие от неё, Павел загорелся идеей, будто выполнял задание вселенского значения. Впрочем, он к любой работе относился с рвением. Иногда с излишним. Его дотошность даже преподавателей изводила. Паша напоминал маленького юркого хорька – тонкий, лёгкий, порывистый. Короткие чёрные волосы «ёжиком», высокий лоб, круглые чёрные глаза, длинный острый нос, узкие, всегда упрямо сжатые губы. Точно хорёк – дотошный, въедливый и хитрый. Его нельзя было назвать красавцем, но в нем была притягательная животная харизма, девушки вешались на остроносого хоря гроздьями. А вот Свету Павел привлекал исключительно как человек, с которым можно работать и не бояться, что подведёт. Чем-то они были схожи – оба упёртые и целеустремлённые. Познакомились на первом курсе и дружили уже три года. По-настоящему дружили, опровергая устоявшееся мнение о том, что дружба между парнем и девушкой в принципе невозможна.

– Нарыл в инете пару статей, но всё это чушь собачья. – Паша быстро водил по экрану планшета пальцем. – самого главного мы не найдём таким способом. Короче, Светик, вот план мест, где в нашем городе недавно что-то странное происходило. Сгоняем, фотки там, интервью старожил, но ещё я предлагаю заглянуть в архив. Там не всё оцифровали, есть старые записи про колдунов, таинства всякие. Это мне дед рассказал, он работал там. И ещё можно к экстрасенсам нашим сходить. В лавки антикварные заглянуть. Ну?

– Ну, давай. С чего начнём?

– Глянь, – он протянул Свете планшет. – Лес за городом. Там дольмены нашли, надо проверить. И маяк на берегу. А потом, если ничего не нароем, в музей сходим. Там тоже что-то странное творится по ночам.

– Нас никто в музее на ночь не оставит.

– М-да, – с грустью согласился Павел.

– Ладно, найдём чего-нибудь, – попыталась подбодрить друга Света.

– Нам нужна помощь.

– Зачем? Сказали, что максимум трое в команде. Но нам и так хорошо. И вообще, давай фотки наделаем и придумаем историю сами, а?

И тут же пожалела, что сказала. Павел никогда не опустится до фантазии, никогда не станет сочинять сенсацию. Он будет копать до последнего, пока не найдёт достоверные факты. Трудно ему будет, но такой уж он, Павел Рыков, помешанный на честности, презирающий враньё.

– Не смотри на меня так, – взмолилась Светлана, когда сердитый хорёк начал буравить её презрительным взглядом. – Прости, больше не буду! Ты у нас командир, тебе и решать. Кто будет нашим третьим мушкетёром?

– А вон он, на своём коне едет, – все ещё обиженный, Паша кивнул на дорогу.

– Громов?! – Света сразу узнала дорогой автомобиль с запоминающимся тюнингом – огромной головой льва на капоте. – На хрена нам Громов?

Никиту Громова она недолюбливала. Он казался ей богатеньким надменным эгоистом, который относился к той категории людей, что привыкли получать от жизни всё и по первому требованию. Никита обладал запоминающейся внешностью: атлетическая фигура, высокий рост, яркие голубые глаза, прямые чёрные волосы до плеч, постоянно собранные в небрежный хвост, чувственные губы, волевой квадратный подбородок. А когда он улыбался, демонстрируя безупречные белые зубы, на его щеках появлялись небольшие ямочки. Он сводил с ума всех девчонок института, но ни одна не задерживалась у него больше чем на неделю. На жертв своих достоинств Громов смотрел с лёгкой снисходительностью и иногда некой брезгливостью. Это

и бесило Светлану. Он не понравился ей с первого дня знакомства, с первой минуты. А когда попытался подкатить, предложив встречу в дорогом ресторане, Света с чувством глубокого удовлетворения послала его подальше.

– На фига нам Громов? На фига?! – зашипела она.

– Так, кончай истерику, мать! – затараторил Павел, наблюдая, как Никита паркуется возле дома. – Он нам нужен. Сначала не хотел идти в команду, но когда узнал, что писать статью будешь ты, согласился. Похоже, он к тебе неровно дышит, будем это использовать!

– Пашка! – возмущённо взвизгнула Светлана. – Ты вообще?! Ты чего? Да ты...

– Тише, Светик, он идёт! Лыбься и молчи. Спать с ним тебя никто не заставляет.

– Это вообще уже!

На первых порах Свете захотелось встать и уйти, но она вспомнила, что журналист и что работать в будущем ей предстоит и не с такими хмырями. Усидела.

– Привет!

Он подошёл, помахивая ключами от машины, широко улыбаясь своей фирменной белозубой. Начищенные до блеска туфли, чёрные брюки, дорогой ремень с золотой бляшкой, синяя

рубашка с коротким рукавом, выгодно оттеняющая большие голубые глаза. Прямо картинка, на которую Света смотреть не хотела.

– Привет! – Павел слегка поднялся, чтобы пожать протянутую руку.

– Привет, – Света демонстративно скривила губы в подобие улыбки.

– План есть? С чего начнём? – деловито спросил Никита, глядя исключительно на Павла. Света догадалась, что тот обижен её недавним отказом. Гляньте, мальчику конфетка не досталась! Тогда что он тут делает? Измором берет?

– С архива.

– Ок, едем.

И развернувшись, пошёл к своей машине. Первым порывом Светы было отказаться от совместной поездки, добраться до архива на автобусе. Но тут же это показалось глупой идеей. Работать предстоит всё равно вместе, да и не трусиха она. А машина с кондиционером лучше душных автобусов в тысячу раз. И неважно, кто за рулём

– Сначала едем за моим дедом, – протараторил Павел. – Он сможет обеспечить нам доступ в непроходимые для обычного человека закрома нашего архива. Садись!

И услужливо открыл перед Светой заднюю дверь.

– А дед зачем? – спросил Никита.

Света, усаживаясь, заметила, как Громов нахмурился. Ей не рад? Или её внешнему виду? Может, не соответствует её простенький цветастый сарафан и белые балетки кричащей роскоши его автомобиля? Привык, наверное, возить на нем роскошных баб в дорогих шмотках. Хотела разозлиться, но стало почему-то немного стыдно. Возникла идея взять ещё одну подработку, чтобы купить приличное платье и туфли. И тогда всё же разозлилась. На себя.

– Матвей Игнатьевич – наш ключик ко всему, что скрывается в архивах, – гордо выдал Павел, садясь в салон. – Дед у меня мировой. Давно на пенсии, но ходит в архив как на работу. Практически тамошняя достопримечательность.

Машина тронулась с места и Света, успокоившись, с удовольствием откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь приятной прохладой. Хорошо всё-таки, что решили задействовать Громова. Пашка всегда знает, кого и когда нужно подключить для дела. Хоть жара не страшна, да и стоять на остановках не придётся.

Матвей Игнатьевич, слегка ссутулившись, сидел за столом и быстро листал пожелтевшие страницы старой газеты. Никита и Павел ходили мимо стеллажей, выискивая нужные документы. Света фотографировала статьи, которые Матвей Игнатьевич находил с космической скоростью.

– Неужели наизусть помните каждую газету?

Поражённая осведомлённостью пенсионера, девушка прервала работу и села рядом.

– Почти все, – уклончиво ответил дед и, прищурившись, посмотрел на неё поверх стильных очков в тонкой металлической оправе. – Я же тут полжизни провёл. Да и тема эта меня всегда интересовала. Читал всё. Запоём. Вот и помню.

Он снова вернулся к поиску, а Света, отойдя от стола, сделала несколько снимков Матвея Игнатьевича. Старик за работой, сосредоточенный и собранный, создавал впечатление человека, который точно знает, что делает. Он был в своей стихии и виртуозно управлялся с огромным количеством газет и вырезок. В свете яркой лампы седые волосы слегка искрились, отражая свет, тёмная рубашка оттеняла светлую короткую бороду и аккуратно подстриженные усы. Если правильно встать, можно сделать почти мистическое фото.

Света покружилась возле старика, нашла нужный ракурс и снова сделала несколько кадров. Матвей Игнатъевич поднял глаза и немного смущённо улыбнулся. А глаза-то у Пашки дедовы, заметила Света.

– А это что?

Никита положил на стол серый пыльный свёрток – плотную тряпицу, перетянутую чёрной верёвочкой

– Нашлась! – радостно воскликнул Матвей Игнатъевич. – А я искал, думал, совсем пропала.

Старик быстро развернул свёрток, положил на середину стола. Света, заинтригованная находкой, шагнула вперёд и налетела на Никиту. Тот отступил и с лёгкой насмешкой произнёс:

– Дамы вперёд!

Света дёрнула плечом, неопределённо хмыкнула и встала рядом с Матвеем Игнатъевичем.

– Дед, это чего? – Павел положил находку на ладонь и поднёс под свет настольной лампы. Круглое стёклышко грязного жёлтого цвета с ровными краями и мутной серединой. Очень походило на отколовшееся дно бутылки. – Типа твой фант?

Матвей Игнатъевич неожиданно резко встал, суетливо собрал газеты в стопку и произнёс:

– Ну всё. Больше тут искать и нечего. Статьи есть, стёклышко тоже. Всё, ребята, собираемся и на выход!

– Дед! – изумлённо возмутился Павел, – Ты чего?

– По дороге скажу, – отмахнулся Матвей Игнатъевич.

И торопливо стал собираться.

– Дело было так, – уже в машине старик наконец решил всё прояснить. – В архив я тогда попал сразу после войны, когда выписался из госпиталя и вернулся в город. Из-за ранения ходил плохо, работать в полную силу не мог, вот и поставили меня архивариусом, разбирать документацию дореволюционного времени, нашу и сосланную к нам в архив из других городов. Там и наткнулся на статьи, что вам показал. Некоторые рассказы очевидцев и протоколы полицаев тут больше похожи на сказки, но люди в эти сказки верили, есть даже показания учёных, участников странных событий. Да не буду я пересказывать, сами прочтёте. И вот однажды натолкнулся я на кучу отчётов, сложенных в потёртую картонную коробку. Оказалось, это отчёты аж тысяча восьмисотого года. Мало что можно было разобрать, документы почти сгнили, язык непривычный, но вот эту тряпицу, – он кивнул головой на Павла, который все ещё держал находку, – и записку к ней откопал среди обрывков бумаг. Так вот... – И тут все замерли, понимая, что начинается настоящий рассказ. Дед обвёл молодёжь лукавым взглядом и продолжил: – Это зовётся Око. Если верить той записке, через него можно увидеть потусторонних существ, живущих в нашем мире. Откуда они сюда проникают – так и не понял. Если честно, я смотрел через него много раз, но ничего так и не увидел. Да понимаю я, что всё это бред, – Матвей Игнатъевич почему-то виновато улыбнулся. – Но я им долгое время увлекался. Теперь ваша очередь.

– Спасибо, дед! – Павел повернулся к нему и помахал сжатым кулаком. – Ты супер! Материала на книгу нарыли, осталось найти доказательства! – Он повернулся к Светлане, сидевшей на заднем сиденье. – Вот. Держи! – Света протянула руку, и Око прохладным боком легло в её ладонь. – Будешь хранить, а то я посею где-нибудь.

– Приехали, – буркнул Никита.

Павел выскочил из машины и помог деду выйти. Легонько хлопнул старика по спине на прощание и вернулся обратно.

– В антикварную лавку едем, – распорядился Рыков, назвал адрес. – Покажем антиквару наш камешек, может, историю какую расскажет.

Никита едва слышно хмыкнул, завёл мотор.

– Ок.

Света открыла планшет и погрузилась в изучение собранного материала. Многие записи были непонятны и пришлось использовать электронный переводчик, чтобы разобрать слова. Пока ехали до антикварной лавки, единственной в городе той тематики, что им была нужна, Света отметила пару интересных строк в старых записях: «Тай Око Отверзати», в переводе звучало как: «Скрытно Глаз Отвори». Слова были написаны крупным убористым почерком и обведены неровным кружком.

Наверняка, это имело отношение к стёклышку, может, заклинание какое. Света повертела в руках дедовский подарок и произнесла несмело шёпотом:

– Скрытно глаз отвори!

Поднесла стекло к глазам и посмотрела на улицу, на мелькавшие мимо машины, людей, дома.

Ничего.

– Колдуй баба, колдуй дед, – тут же раздалось издевательское с водительского сиденья.
– Увидела чего?

Света хотела спрятать находку, стыдливо залилась краской, но потом взяла себя в руки и снова, уже громче повторила заклинание.

– Дурость, – выдал Никита.

– Сам ты...

Сдержалась.

Машина остановилась напротив антикварной лавки – небольшого магазинчика на первом этаже многоэтажки. Бросив ребятам ленивое: «Я не пойду», Никита остался в машине, врубив на всю мощь радио.

Света и Павел, вооружившись камерой, отправились работать.

В сумраке лавки, сквозь скупые солнечные лучи, пробивающиеся через грязные разводы на окнах, тонкими струйками клубилась пыль. Повсюду валялось невообразимое количество разных вещей, начиная от сломанных оленьих рогов, висевших на потолке, порченных временем кукол, дореволюционных детских санок и заканчивая пожелтевшими и местами прогнившими стопками газет. Казалось, здесь обитает человек, всю свою жизнь копивший хлам.

Хозяин антиквариата обнаружился за заваленным старыми приёмниками столом. В рассеянном свете, попадавшем в лавку исключительно из грязных окон, он казался ожившей частью его сокровищ – маленький, обросший седой бородой, словно сказочный гном, облачённый в старый твидовый пиджак. Светлане показалось, что и пахнет от него, так же как и в самой лавке – пылью и плесенью.

– Здравствуйте! – Павел лучезарно улыбнулся. – Мы студенты из журфака, пишем статью о необычных явлениях в нашем городе.

– Покупать чего будете? – сердито спросил старик.

– Нет, – Паша мотнул головой, – интервью не дадите? Уделите времени немного.

– Тут ничего не происходит, – буркнули в ответ. – Если не будете покупать – свободны, молодые люди!

– У вас столько всего здесь собрано, – вмешалась Света. – Неужели ничего не замечали? Может, предметы двигаются или звуки разные?

– Как жильцы сверху затапливают, так у меня тут всё двигается! – нервно рявкнул старик, – Идите, не мешайте работать!

– Тогда может подскажите, – Света достала из кармана стёклышко, – это имеет какую-то ценность?

Око сверкнуло в бледном луче, падающем на захламлённый стол. Антиквар вдруг подобрался, съёжился и резко отпрянул в угол.

– Чего вам тут надо?! – взвизгнул он. – Я тут давно уже, мне можно!

– Простите, – Света растерялась. – Мы просто спросить...

И тут дедка словно подменили. Испуг сошёл, спина выпрямилась и он, мягко ступая по облезлым деревянным полам, пошёл к Свете.

– Дорогуша, – неожиданно ласково произнёс он, – а не продадите вашу вещицу? Если вы не знаете, что с ней делать, я куплю в свою коллекцию. Тысячу даю!

– Нет, простите, – Света отступила, убрала стёклышко в карман. Антиквар жадным взглядом проводил её руки.

– Две тысячи!

– Что это? – встрял Павел. – Вы же знаете!

– Пять! Ну зачем оно вам? Студенты, бедные, а тут такой лёгкий заработок, – пел антиквар, приближаясь к оторопевшей Свете.

– Нет, – ответила она, борясь с желанием выйти на улицу, сесть в машину и уехать подальше.

– Десять тысяч, – не сдавался антиквар. – Расчёт на месте!

– Нет, я...

– Десять тысяч долларов наличными! Прямо сейчас!

Он медленно наступал на неё из темноты, и Свете показалось, что глаза антиквара блеснули чёрным. Он протянул к ней руку и почти схватил за сарафан, как Павел дёрнул Свету за плечо, прошептав:

– Бежим!

Света развернулась и рванула к двери. Павел уже резко дёргал за ручку, пинал, стучал ладонью, но дверь словно заклинило.

Света в ужасе обернулась, вскрикнула, увидев, как антиквар раскинул руки и гулко произнёс:

– А я предлагал! Дураки!

А потом, ошестившись и рыча, кинулся к ним.

– А-а-а! – заорал Павел, сдёрнул с потолка оленьи рога и запустил в антиквара. – Светка, окно!

Визжа и спотыкаясь, Света бросилась к ближайшему окну. Схватила первое, что попало под руку и запустила в стекло. Звон перекрыл неистовое рычание. Обернувшись, она увидела, как Павел перелетел через стол, сбитый мощным ударом. Она вскочила на подоконник, выбивая остатки стёкол сумочкой. Кто-то схватил её за руки, потащил наружу. Отбиваясь и визжа, стала царапаться, но её схватили так крепко, что она не могла сопротивляться.

– Что тут творится?

– Никита, помоги!

– А это кто?

Из оконной рамы показался взъерошенный антиквар.

– Бей его! – взвизгнула Света. – Там Паша!

Никита отодвинул перепуганную девушку за спину и одним ударом сбил старика с ног.

– Надеюсь, – спокойно сказал он, – я тебя правильно понял.

– Паш! – взвизгнула Света. – Пашка!

Павел, бледный, с разбитым лбом, горящими от возбуждения глазами показался в оконном проёме. Никита бросился к нему, схватил за руки и помог выбраться.

– Бежим! – заревел Павел, как только оказался на улице. – Живо!

– Ладно, – Никита схватил дрожащую Свету и потащил к машине. Антиквар снова появился в окне, Света на ходу вытащила из кармана Око, поднесла к глазам:

– Скрытно глаз отвори!

Ничего не произошло. Антиквар в свете тёмного стекла не изменился.

Никита усадил Свету на заднее сиденье и метнулся за руль.

– Тай Око Отверзати! – прошептала Света.

Мутное стёклышко резко стало прозрачным. В проёме маячила огромная серая тень волка. Света убрала стекло и вздрогнула, столкнувшись с жёстким взглядом разъярённого антиквара.

Машина, визжа тормозами, рванула с места.

– Что там такое было? – внешне спокойного Никиту выдавал дрожащий голос. – Вы что там натворили?

– Я видела, видела! – судорожно выдохнула Света, прижимая стёклышко к груди. – Око работает! Я поняла! Оно показывает демонов, Матвей Игнатьевич был прав!

И тихо, тонко заскулила.

– Чёрт! – Никита остановил машину, вышел. Открыв заднюю дверь, сел рядом с девушкой, осторожно притянул к себе.

– Офигеть! – высказался Павел, прижимая к окровавленному лбу ладонь. – Круто! Как он меня, одной рукой! Я думал всё, капец мне!

Света взвыла.

Никита чертыхнулся, достал из кармана брюк платок, протянул Павлу.

– Ребята, это ненормально! – заревела Света. – Так не бывает, это ненормально!

– Ладно, тише, – Никита прижал крепче дрожащую девушку и задал Павлу вопрос: – Что, чёрт возьми, там произошло?

– Я не знаю, – признался Павел, вытирая кровь. – Сначала он нас футболил, потом увидел Око и давай покупать! Десять тысяч баксов предлагал, представляешь? Ну мы не согласились, и тут он на нас пошёл! Как животное, блин, честно! Думал, грызть кинется, реально! Дверь не открывается, я его рогами, Светка в окно, и тут он меня так, легонечко раз! И я под столом! Офигеть, ёпть!

– Не то слово, – выдохнул Никита.

Света перестала плакать, смущённо отстранилась.

– А как ты вообще там оказался? – Павел сильнее прижал платок. Его лоб все ещё кровил. – Не хотел же с нами.

– Услышал, как ты в дверь барабанишь, и как Света визжит. Побежал посмотреть. И тут вы. В окне.

– Музыка же орала, – почему-то вспомнила Света.

– Вырубил. Вовремя, похоже.

– Ты меня спас...

– Не поранилась?

– Нет, ты меня удачно вытащил.

– Обращайся, – шепнул он и улыбнулся. – В больницу сейчас, а потом дальше работаем? Или потом по домам?

– Какой по домам?! – взвился Павел. – Тут такое происходит! Мы же теперь видим тварей, блин, без макияжа! – Повернулся к Свете и виновато спросил: – Ты как, мать? Ты если что...

– Я с вами, – вытирая слезы, ответила Светлана. – Нормально всё.

В приёмном покое травмпункта они отсидели длинную очередь прежде, чем Павла пригласили к хирургу. Рану пришлось зашивать, всё это заняло довольно много времени. Наконец усталый, но довольный Паша вышел к ребятам и сходу заявил:

– Есть, пить и работать!

– Неугомонный ты какой, – беззлобно проворчал Никита. – Ладно, едем в ресторан. Мы тут со Светой нашли кое-что, там и обсудим.

– Я в ресторан не поеду, – тут же ответила девушка. – В кафешку ещё можно, но не в ресторан.

– А чем кафе лучше? – удивился Никита.

– Ценами, – Паша широко улыбнулся. – Никит, правда, нам такое не по карману.

– Я угощаю.

– Ну, тогда...

– Нет! – Света резко пресекла попытку Паши поесть на халяву. – Кафе!

– Око – магический артефакт адептов хранителей для определения сущностей, – быстро читал Паша. – Используется как тренажёр, впоследствии хранитель может видеть сущностей и без Ока. Вау! – он сделал большой глоток газировки. – Круто! Ну-ка, Светик, дай его сюда. Чего там надо говорить?

Девушка произнесла, Паша повторил и вынес вердикт:

– Ничего не вижу.

– Дай.

Света прошептала заветные слова и съёжилась. В углах кафе недвижно висели бесформенные тени. Сами по себе. Казалось, они выбирают подходящую жертву, притаившись в укромном месте.

– А я это вижу! – прошептала она.

Паша нахмурился, отобрал Око и протянул его Никите.

– Ну а ты?

Через минуту Никита вернул артефакт Свете.

– Нет. Я не вижу ничего.

– Короче ясно, – хмуро произнёс Павел, недобро поглядывая в пустые углы, – они выбирают себе тело, подселяются и живут в своё удовольствие, так в записях написано, верно? Как паразиты, наверное. Видит их только Светка, значит, у неё есть дар, или как там это умение зовут. Светусь, – он неожиданно широко улыбнулся, – да ты страж!

– Дурость, – выдохнула Света, поёжилась и тихо спросила: – И что теперь?

– А теперь самое интересное, – энтузиазм Павла поражал. – Будем их ловить!

– Кого?

– Тварей этих! Фоткать, Светка! – Он злорадно хохотнул, Света испуганно охнула. – Нам нужна аппаратура. Хорошая аппаратура с ночным и инфракрасным видением!

И он выразительно посмотрел на Никиту.

– Понял, – спокойно сказал тот. – Будет. Едем ко мне, берём всё, что нужно и потом куда?

– К дольменам!

Воинственный, немного жёсткий настрой Павла Свету пугал. Это больше походило на одержимость, на дикую в своей сущности охоту за призраками, которые, возможно, могут не только лоб разбить... Но если она откажется, Пашка пойдёт один.

– Знать бы, что это за твари такие, – произнесла Света и вдруг поняла, что знать-то особо и не хочется.

Сгущающиеся сумерки принесли долгожданную прохладу, бесцеремонно прогнав наглую жару. В лесу вечерняя свежесть ощущалась более остро – резкая смена температур вызывала неприятный озноб. А может, это был прилипчивый страх, захвативший Светлану ещё днём.

Освобождённые от векового заточения дольмены высились на утоптанной поляне, словно безмолвные пришельцы. Их выкопали из холма, случайно обвалившегося после очередного ливня. Были предположения, что дольмены засыпали специально. Но кто и зачем? И что такое

– эти странные сооружения? Каменные домики с округлой дверцей в полуметре от земли – нелепые порождения сумасшедшего строителя.

Света проверила несколько раз, но теней рядом с дольменами не увидела.

– Пусто тут, – уверенно заявила она, – ловить нечего, это точно.

Павел упрямо поджал губы, в очередной раз осмотрелся и поставил штатив возле одного из мегалитов.

– Тут есть мы! Если тени днём прячутся по углам, то по ночам должны хозяйничать. И вообще, как они выбирают жертву? Как подселяются? Если эти дольмены и засыпал кто-то, то возможно, из-за этих теней? Помнишь, Свет, антиквар сказал, что он тут уже давно, что ему можно. В смысле?

– Я уж думала над этим, – тихо ответила Света. – И ещё статью нашла, что некоторые артефакты притягивают существей. А если наше Око притянет тварей каких?

– Вот именно! – радостно воскликнул Павел. – Око уже давно лежало в архиве, но ничего странного там не происходило. А если мы оставим этот артефакт рядом с дольменами, может и поймает чего!

– Или нас поймают, – нервно сглотнула Света.

– Да ладно, мать, не бойсь!

– А что, если и правда, на нас нападут? – лениво спросил Никита, все это время подпиравший плечом один из мегалитов. – Если уж про тени знаем, про то, что они подселяются в людей, то можем и сами словить чего такого... Не нужного.

– Точно, – Павел стукнул себя по многострадальному лбу. – Пока ещё не совсем стемнело, давайте придумаем оберег какой, что ли?

– И какой? – уныло спросила Света.

– А всё подряд! Всё, что в статьях было. Святая вода, кресты, серебро, чеснок...

– Это как же мы все за пару часов соберём? До полуночи всего ничего.

– Я соберу, – Никита отлепился от дольмена и неспешно пошёл к машине. – Кто со мной?

– Я тут! – упрямо заявил Павел. – С аппаратурой разберусь.

– Я останусь, – ответила Света, с трудом поборов желание уехать и запереться дома.

Не сказав больше ни слова, Громов сел в машину.

Света поднесла к глазам Око и ещё раз осмотрела пространство вокруг. Чисто. Происходящее нравилось всё меньше. Расследование уже не походило на мирный сбор информации, а превратилось в настоящую охоту на, возможно, опасных существей. Из головы не выходил злобный взгляд антиквара. А если он начнёт искать Око?

Света поделилась мыслью с Павлом, тот серьёзно посмотрел на неё:

– Вот поэтому и нужно узнать, что это за твари такие и как с ними бороться.

– Да, конечно да...

– Полночь! – прошептал Павел, озираясь по сторонам. Несколько фонарей, припасённых загодя, они расставили так, чтобы максимально осветить пространство вокруг мегалитов.

Света поднесла Око к глазам и съёжилась

– Паш, вижу! Тени! Три! Они на границе света!

– Твою ж заразу! – Впервые Света услышала в голосе Павла страх. – Громов-то где?

Фонари стали гаснуть один за другим. Света прижалась к Павлу и тихо заскулила. Послышались тяжёлые шаги, в свете яркой луны проступили очертания человеческого тела. Антиквар.

– Вот тварь такая, – зашипел Павел, загородил собой подругу. – Нашёл, гад!

- Отдай Око! – Старик остановился неподалёку, протянул руку. – По-хорошему отдай!
- Прямо сейчас! – рявкнул Павел. – Ты кто такой, дядя?
- Око отдай!
- А иди ты!
- Взять!

Антиквар мотнул головой, и тут же из темноты выступили два человека. В сумраке ночи можно было разглядеть лишь очертания фигур, но они вдруг встали на четвереньки, засверкали красными глазами и медленно поползли в сторону ребят.

– Мама! – выдохнула Света. – Паш!

– Доигрались, блин, – запоздало понял Павел и замахнулся на тварей фотоаппаратом.

Внезапно на поляну опустился сумрак. Луна, словно испугавшись, спряталась за облаками.

Шаг. Ещё. Сгорбленные фигуры, едва различимые в темноте, плавно приближались.

«Ещё мгновение, – подумала Света, – и можно умирать от страха!»

Машина Громова на полной скорости влетела в тварей, взревела мотором и врезалась в дерево. Никита выскочил из салона и рванулся к ребятам.

– Пашка, в дольмен! Прячься! Света, направь на них Око!

Подлетел, толкнул оторопевшего Павла к мегалиту, закрыл Светлану спиной.

– Заставь Око работать! Ну!

Света прошептала заклинание и закричала, увидев истинные лица тварей – безумную смесь звериного лика и человеческих очертаний. Оборотни прыснули в стороны, и только антиквар, ёжась, остался стоять на месте.

– Уходи, – рыкнул на него Громов. – Сам!

– Щенок! – зашипел антиквар, оскалился гнилыми зубами, – Отдай!

И бросился на Никиту.

Света закричала, медленно осела на землю.

Павел подхватил её и потащил к дольмену. Толкнул к отверстию, кинулся Громову на помощь, но резко остановился, нервно спросив:

– Как?!

Скулящий антиквар быстро уползал в кусты, а Громов устало сидел на земле.

– Не знаю, Паш, – ответил он. – Наверное, что-то из берегов помогло. Я тут много чего насобирал.

– Где они? – Света, дрожа, стояла возле мегалита, сжимая в ладони Око. – Где береги, Громов? Я видела, что ты сделал... Я видела! – закричала она, вжимаясь в стены убежища так, словно хотела просочиться внутрь. – Один удар, и старик с разбитой рожой уполз в кусты! Как?! Как, Громов, у него силища немереная!

– Да я не знаю...

Никита растерянно посмотрел на Павла, тот сделал шаг назад.

– Ты один из них! – истерично крикнула Света.

– Нет, ты чего?

Она прочла заклинание и посмотрела на Никиту сквозь Око.

Громов замер, подобрался. Нахмурившись, посмотрел на Свету, потом на Павла.

– Вы ненормальные, – произнёс он, вставая. – Я вас спас вообще-то. Машину разбил.

– Откуда ты знал, что рядом с нами эти твари? – Павел сделал ещё один шаг назад. – Ты на них даже фарами не осветил. Влетел сразу, словно издали увидел. Как, в такой тьме?

– Потому что полночь, – Громов развёл руками, встал. – Я спешил, просто совпало!

– Свет, что ты видишь?

– Злого Громова, – устало ответила она. – Он чист.

Из темноты послышался тихий шорох, и что-то сбило Никиту с ног. Тёмная масса навалилась ему на спину, прижимая к земле. Павел воинственно крикнул, подскочил и замахнулся на тень фотоаппаратом. Ещё одна тень бросилась к нему, повалила, глухо рыча.

Света, от страха не в силах двинуться с места, в ужасе смотрела на тьму, копошащуюся над парнями.

– Око отдай! – Рядом возник антиквар, протянул руку. – Не отдашь – твоих друзей сожрут. Ничего не останется, ни косточки. Отдай!

– Не давай! – крикнул Никита, каким-то образом сумев выбраться из-под тени. – Ты хранитель, он слабее тебя! Не отдавай!

Отбросил тварь и кинулся Павлу на помощь.

– Сильный, щенок! – рыкнул старик. – Но нас больше. Отдай Око, страж!

Света видела, как Громов кинулся к Павлу, как ухватил тень, но тут же на него прыгнула та, первая.

– Да пошёл ты! – выплюнула Света и шагнула старику навстречу, – Пошёл вон!

Антиквар подпрыгнул, взвизгнул, но отступить не собирался.

– Убейте их! – закричал он и снова протянул Свете руку – Отдай! А то и тебя...

И резко замолчал, пригнулся к земле, озираясь по сторонам. В темноте его эмоций было не разглядеть, но Света явно ощущала дикий страх, сковавший старика. А через мгновение услышала глухой грозный рык, раздавшийся совсем рядом. У Светы подкосились ноги, она медленно осела на землю и в ужасе подумала, что ещё за тварь принесло к её артефакту? Так рычать мог только зверь. Огромный, злобный, полный мощи. Что-то пронеслось мимо, скрытое мраком, схватило антиквара. Послышались хлюпающие звуки и едва слышный хруст. Света, едва дыша, вжалась в землю. Думать о том, что происходит вокруг, было так страшно, что она почти отключилась.

– Свет...

Кто-то осторожно обнял её за плечи, заставил подняться и крепко прижал к широкой тёплой груди.

– Никита?

– Света, всё хорошо. Всё прошло.

Так хотелось зареветь, заорать, но сил не было даже на слезы.

– Мать, ты как?

– Паша?

– Я, Светик. Как ты?

Ей показалось, что она начала оживать. Вздохнула, осмотрелась.

Медленно, словно стыдясь, из-за туч вышла луна. На поляну упали бледные лучи. Света подняла голову и увидела обеспокоенный взгляд Никиты. И почему он раньше ей не нравился? Нормальный парень. Даже очень.

– По домам, – шепнул он ей на ушко и осторожно поцеловал в щёку – Хватит уже.

– Согласен, – Павел поморщился, разочарованно вздохнул. – Да, помяли нас, блин! Хорошо не покусали, твари! И фоток нет. Правда, я камеры подключил... Твою ж заразу! – счастливо закричал он. – Я камеры успел включить!

Света уткнулась лбом в грудь Никиты и тихо, с облегчением рассмеялась.

Никто не поверит. Всё равно никто не поверит. Камеры ночного видения сняли ребят и странные тёмные субстанции с едва различимыми звериными контурами. На инфракрасных камерах было то же самое – тёмные силуэты. На записях всё выглядело как хорошо смонти-

рованное кино. Не важно. Главное – есть материал. Никто и не ждал, что их курсовая будет выглядеть иначе.

Никита оставил на губах Светы лёгкий поцелуй и уехал. Последние дни он старался не оставлять её одну. Они не знали, куда девался антиквар со своими оборотнями и что ожидать от теней. Но пока всё было тихо. Отобрать Око никто не пытался. Света подошла к подъезду и увидела дворника.

Тётя Таня почти закончила уборку, дometая маленький квадратик у подъезда.

Света зачем-то достала Око и навела на соседний дом. Тени сидели на карнизах, ползали по крыше, чернели в окнах. Света вздрогнула и навела Око на Татьяну.

В прозрачном стекле отразилось яркое пятно. Вокруг тёти Тани клубилось живое пламя. Она махала метлой, и чилига разгоняла тёмные пятна с дорожки. Там, где метла прошла по асфальту и газону, было очень чисто и светло.

– В нашем полку прибыло? – Татьяна подошла к оторопевшей Светлане и по-доброму улыбнулась. – Я рада.

– Почему другие дома в тенях? – тихо спросила Света, справившись с первым шоком.

– Потому что нас мало, – просто ответила Татьяна. – Не успеваем. Да и не только тени в городе хозяйничают. Тут много зачем присматривать надо. Ты с нами?

– Я?

Света растерялась, но женщина вложила ей в ладонь свою метлу. Тёплый черенок вздрогнул тихой волной, удобно лёг в руку.

– Я не умею...

– А ты попробуй!

Никита включил музыку и довольно улыбнулся. Можно прекратить утомительные поиски, он нашёл свою самку. Пришлось постараться, добиваться расположения, но это того стоило. Клан одобрил её, когда львы пришли помочь ему у дольменов. Жаль антиквара. Старый волк мог бы дожить свой век, зарывшись в любимый мусор, но он слишком многого хотел. Око даёт силу видеть, а значит, повелевать Тьмой. Зачем было старому оборотню такая власть? Кто знает. Больше он не потревожит их. Хорошо, что во время боя у дольменов ему удалось не выпустить своего зверя, и Око не уловило тени льва. Незачем самку пугать. Всему своё время. Она пройдёт инициацию, и у его клана будет преимущество перед другими оборотнями. Хорошо, что он нашёл её первый, он, а не хранители города. Да и парнишку того, Павла, стоит обратить. Отличный получится слуга...

Гровел

Пролог

Тяжёлый удар в дверь громыхнул в полупустом подвале жутким эхо. Осыпавшаяся с потолка труха и пыль плотным облаком повисли у дощатой лестницы. Снова удар, хлипкая дверь отчаянно затрещала, заныла ржавыми петлями и почти открылась. Ещё удар, но уже более слабый, только лишь для того, чтобы распахнуть деревянную преграду.

По рассохшейся лестнице тут же послышалась торопливая поступь, эхо разнесло злые голоса по тёмным углам.

Некуда прятаться. Нашли...

Большие сильные существа быстро разбежались по всему подвалу и один из них тихо, но твердо сказал:

– Вот он!

Гровел сидел в самом тёмном углу, скорчившись от страха и холода. Сейчас он не мог ничего предпринять, чтобы защитить себя. Отчаянно вжимаясь тощей спиной в холодную стену, испуганно таращил глаза на дуло оружия, нацеленного на него злобной особью.

В инструкции было чётко указано – на планете обитает разумная раса. Да, разумная, а ещё абсолютно недоброжелательная!

Гровел закрыл глаза, ещё сильнее съёжился и приготовился к боли.

– Урод какой. Смотри, как человеческий зародыш. Лови эту тварь!

Его грубо схватили, обмотали верёвками и потащили наверх. На солнце.

Яркий свет жадно обхватил маленькое тельце, беспощадно сжигая нежную кожу. Гровел завизжал, попытался пошевелиться, как-то спрятаться от боли, но стало только хуже – солнце находило всё новые места для своих пыток.

Кто-то пожалел его и накрыл плотной, вонючей тканью.

Гровел тихо скулил, плакал и старался не шевелиться, чтобы жёсткая нить не тревожила раны, пахнущие горелой плотью.

Нужно выбираться, пока его не посадили туда, откуда выхода уже никогда не будет.

Он смог просунуть руки сквозь путы и отодвинуть тяжёлое покрывало. В глаза тут же ударил яркий солнечный свет. Гровел, пискнув, вернул защиту на место, но успел заметить, что лежит один. Взревевший мотор дал возможность определить место, куда его бросили. Транс-порт. И рядом никого.

Какая удача!

Прячась под покрывалом, на руках подобрался к борту открытого кузова.

Время тянулось бесконечно. Чтобы не упустить подходящий момент, ему постоянно приходилось выглядывать из-под своего укрытия, ожидая, когда машина заедет в тень.

Наконец, он почуял запах леса и уже знал – свобода близко. И когда грузовик заехал в лесную прохладу, он резко выскочил из своего укрытия, ухватился трясущимися ручками за деревянный борт кузова, подтянулся и выбросился наружу. Тяжело шлёпнувшись в густую траву, теряя сознание от боли, сумел перекатить своё тело, замотанное в сеть, под куст, и там отключился.

Машка

– Вот, ставь тут подпись.

Тётя Валя ткнула в колоночку ведомости толстым пальцем и с улыбкой стала наблюдать, как Машка, прикусив язык, старательно выводит на бумаге своё имя.

Мария Кожанкина, прозванная в деревне Машкой-дурой, была инвалидом детства. Не закончив ни одного класса сельской школы, Машка, всё же, благодаря стараниям матери, умела писать печатными буквами и читать по слогам. И даже понимала, что читала, если предложения были короткими, с простыми словами.

Жили они с матерью на окраине деревни, почти у самого леса в маленькой добротной избе. В отличие от невысокой полноватой матери, Машка вызрела в рослую деваху, крупную, крепкую, закалённую на тяжёлой деревенской работе.

В свои двадцать восемь Машка нигде не работала – одна вела всё хозяйство – и огород, и скотину, и дом, пока мать горбатилась на лесозаготовке. И никогда не была замужем – кому нужна такая «неумная», хоть и работящая баба. Да и красотой Машка не отличалась: носатая, губастая, мужеподобная. И даже голос у неё был сиплый, скрипучий.

Жили они с матерью тихо, скромно, ни у кого ничего не просили, сами справлялись. Но три дня назад Машка осталась одна. Несчастный случай на лесозаготовке унёс жизни двух человек. Одной из погибших была Вера Кожанкина, Машкина мама.

Оплакивая мать по ночам, Машка поднималась рано утром, доила корову и постепенно втягивалась в домашние хлопоты, как учила мать. Заботливо следила за скотиной и огородом. Справлялась, как могла.

– Пенсию тебе прибавили, Маш, – складывая ведомости в сумку, тётя Валя кивнула на небольшую стопку наличных в руках девушки. – Приделась бы ты, что ли? Купила платье новое.

– Ехать же ж надо! – отмахнулась Машка. Она никогда не выезжала из деревни одна, но признаваться, что страшно без матери покидать дом, не стала. – Да и есть у меня, чего носить. От мамки осталось.

Тётя Валя сравнила рослую Машку и маленькую мать её Веру, грустно усмехнулась.

– Ладно, пойду я.

Она повесила сумку на плечо, подошла к двери, обернулась, бросив на Машку сочувственный взгляд, спросила тихо:

– Не боишься одна? Без мамки не страшно?

Машке было страшно.

– Нет! – резко ответила она. – А чего бояться? Кому я тут нужна?

– Ну ладно.

Тётя Валя вышла в сени, обулась и не спеша ушла со двора. Жаль было девку. Но по суду, скорее всего, заберут бедняжку в интернат. Присматривать за ней некому.

Машка тут же засуетилась, засобиравшись, спрятав деньги под старенький матрац в своей комнатке. Вышла на улицу, закрыла дверь на железную щеколду и направилась в сарай за корзинами. Зной – не зной, а в лес идти надо. Грибы пошли. Хотела сегодня по холодку, но пенсию прождала, задержалась. А на зиму запасы нужны. Так мать делала, так и Машка делать будет.

Найдёныш

Он попытался забраться как можно дальше в кусты, чтобы спрятаться в тени. Но даже здесь солнце умудрялось пробираться к нему, лапало жестокими лучами, жгло кожу. Гровел беспомощно прижимался к земле, стараясь прикрыться листьями и скулил от боли и жалости к себе. Одно хорошо – он сумел уйти от охотников, что два дня гнали его, выслеживали как добычу. Он и был добычей: странным, непонятым для них существом, свалившимся на охотничий стан прямо с неба. Его корабль взорвался в воздушном пространстве планеты, и он единственный из всего экипажа, кому удалось выжить, укрывшись в спасательной шлюпке. Шлюпка увязла в болоте, но гровел чудом смог выбраться. Его биологическая оболочка только что переродилась в подходящую для планетарной атмосферы плоть, но не успела полностью сформироваться, чтобы иметь возможность заботиться о себе и защищаться.

Возможно, он погибнет здесь, под этим кустом от голода и холода, так и не сумев выбраться из сети, и никто не узнает, что случилось с пробной экспедиционной группой на этой планете. Ну зачем нужно было соглашаться на транспортировку своего сознания в эту глушь? Он не сможет на должном уровне представлять свою расу! Его задача – защищать команду, а не вести переговоры!

Гровел услышал тихую поступь и замер в ужасе. Кто-то раздвинул кусты, в которых он прятался, и издал удивлённый, испуганный вскрик. Гровел попытался напугать пришельца, вытаращив глаза и вытянув дрожащие руки. Ещё он хотел зарычать, но из горла вылетел лишь слабый писк.

– Ба! Ребёночка кто-то выбросил!

Машка посмотрела по сторонам, ожидая увидеть того, кто смог выбросить страшненького ребёнка, но никого не разглядела. Пожалев найдёныша, осторожно подняла его с земли, прижала к груди и припустила домой.

Раз ребёночек не был нужен – она возьмёт его себе. Опасаясь, что кто-то может заметить у неё находку и отобрать, Машка положила пищаний свёрток в корзинку и накрыла своим платком. Ребёночек поначалу ковырялся в прутьях, взвизгивал, но быстро успокоился.

Машка добралась до дома, заперла все двери, поставила корзинку на стол и осторожно заглянула под платок. Найдёныш закатывал глаза, корчился и тихо хрипел.

– Помрёт ведь! – охнула она, осторожно достала находку из корзинки, взяла ножницы и аккуратно разрешила верёвки.

Найдёныш казался больным и слабым, вяло шевелился на столе то поднимая, то опуская тощие трясущиеся руки.

– Жрать хочешь? – спросила Машка. – И что ты жрёшь?

Она достала банку молока из холодильника, налила в кружку и попыталась напоить найдёныша. Человечек сильно закашлялся, измазался в молоке и захрипел.

– Жри, дурачина!

Машка завернула его в платок, посадила на колени, взяла ложку и принялась осторожно вливать в беззубый рот холодное молоко. Человечек сначала сопротивлялся, но потом прихорючился и начал сосать ложку, делая большие жадные глотки.

– Жрёт! – заулыбалась Машка.

Осилив полкружки молока, человечек закашлялся и стал выплёвывать питье.

– Нажрался! – догадалась Машка. – Ну и ладно.

Она отнесла его на кровать, убрала вымазанный в молоке платок и внимательно разглядела свою находку.

– Больной, – сделала она заключение, заметив сквозь грязь и молочные потеки свежие ожоги. – За это тебя и выбросили. Полечим, чего уж!

Намазав человечка барсучьим жиром, завернула его в наволочку и снова взяла на руки, покачивая и баюкая. Очень ей нравилось держать на руках ребёночка и быть такой, как те девки в селе, у которых были свои дети.

Машке подумалось: была бы мать жива – не разрешила оставить у себя подкидыша. Поругалась и отнесла куда-нибудь дитя. А Машка всегда хотела иметь ребёночка, просила мамку завести себе маленького, но та говорила, что ей нельзя.

Плохо, что нет мамки, но у неё есть детёнок, и она никому его не отдаст. Будет прятать, чтобы никто не отобрал...

Человечек затих и спокойно засопел. Машка уложила его в корзинку, подумала, вытащила, положила в корзинку подушку и на неё переложила человечка. Поставив импровизированную колыбельку в шкаф, чтобы ненароком никто не обнаружил находку, Машка отправилась заниматься делами. Нужно было следить за хозяйством.

Оказавшись в странной клетке, Гровел попытался выбраться, но потерял последние силы. Его измученное тело отказывалось повиноваться, наваливалась давящая слабость и усталость. Он перестал сопротивляться и сдался. Он сделал всё, что мог для своего спасения. Сил больше не осталось. Вскоре стало трудно дышать и шевелиться. Понимал – это конец. Тем, кто пленил его, достанется только жалкое не сформированное тело.

Сознание угасало, когда он почувствовал свободу от пут. Было невыносимо больно обожжённой коже, тело конвульсивно сокращало слабые мышцы. Гровел приготовился умирать, но его вдруг попытались утопить! За что? Он и сам сейчас издохнет!

Холодная жидкость упрямо вливалась в рот, перехватывая больную гортань спазмами. Но потом понял, что его не топят, а пытаются напоить. Причём чем-то очень вкусным, хотя и неприятно холодным. Гровел приободрился, принялся жадно пить, даже попытался разглядеть своего спасителя. Неокрепшая, обожжённая солнцем сетчатка не позволяла этого сделать. В том, что его пытаются оживить, он теперь не сомневался. Слишком уж заботливо укутали и нежно держали. Наверняка подвергнут экспериментам, возможно убьют позднее, но он готов побороться за свою жизнь! Главное – окрепнуть, войти в зрелую фазу, а после ничего не страшно.

Наконец желудок перестал принимать питье, а спаситель продолжал вливать его в Гровела. Пришлось выплёвывать лишнее, хотя было жалко такую вкусную жидкость.

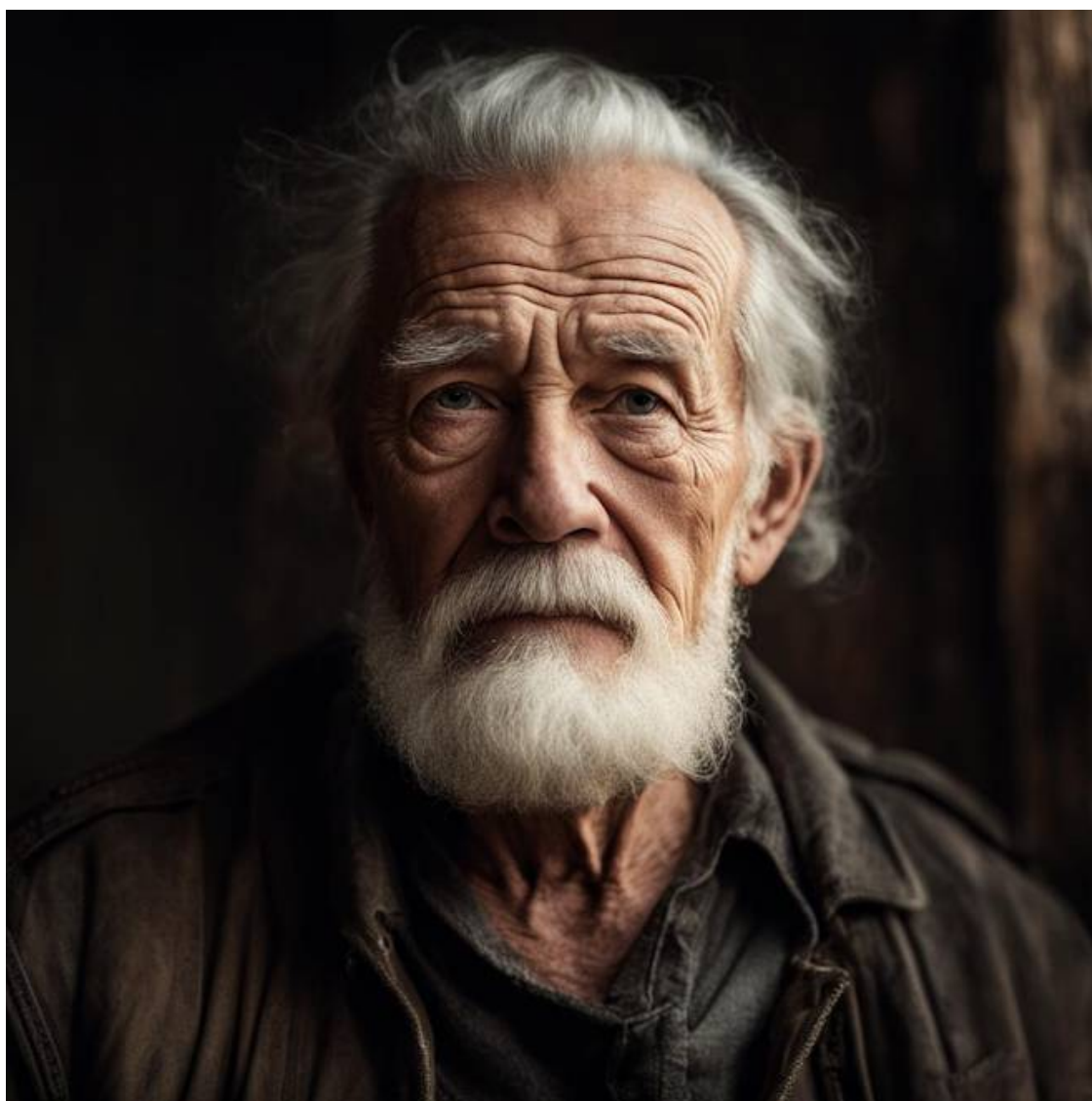
Ожоги невыносимо горели, но когда его намазали чем-то масляным, с сильным пряным запахом и завернули во что-то мягкое, жар стал терпимее, и местами даже стих совсем. А потом случилось невероятное – его нежно обняли и принялись качать! Он даже услышал тихое пение и чётко ощутил ритмичные удары здорового сердца, под которые гровела сморил сон.

Мама

Машка весь день полола и поливала огород, кормила скотину, чистила сараи. Временами заходила в дом проведать найдёныша. Детёнок крепко спал, но Машке иногда казалось, что он помер, и тогда она склонялась над ним и старалась услышать дыхание, увидеть, как поднимается тощая грудь. Детёнок спал. Изредка тихо скулил во сне, дёргался, словно от испуга, но помирать не торопился.

Машка закрывала шкаф и уходила заниматься своими делами.

Вечером, когда она подоила корову, пришёл дед Колян.

Старый охотник принёс большого тетерева, бросил тяжёлую тушку перед Машкой на стол и кивнул на молоко:

– Дашь молочка за птицу? Глянь, какой жирный! Возьмёшь?

Машка кивнула, молча налила деду молока в трёхлитровую банку.

– Спасибо! – Дед подхватил тару, весело подмигнул Машке и тут же ушёл.

Дед Колян, ближайший сосед Машки, давно жил один. Из хозяйства держал только кур и небольшой огородик за домом. Весь его доход составляла крошечная пенсия да охотничьи трофеи. Охотником дед Колян был отменным. Исходил, как он сам рассказывал, всю тайгу вдоль и поперёк. Мог уйти на несколько недель и пропадать на охоте и зиму и лето, вверив своё хозяйство работающей Машке, за что она и её мать всегда были с мясом.

Вот и сейчас, соскучившись по молоку, дед Колян сходил в лес и подстрелил молодого косача. За такую птицу три литра надоя было маловато, но охотник за наживой не гнался, да и Машку, оставшуюся одну, обирать не хотел.

Машка ловко освежевала птицу и тут же отправилась варить бульон для ребёночка. Да и сама уже есть хотела, а готовить сегодня было некогда.

Гровел проснулся от необычно приятного, вызывающего чувство жуткого голода запаха. Проморгавшись, сумел сфокусировать зрение и различил в полумраке стены и щели в них.

Он лежал, всё так же во что-то завёрнутый, и на чем-то очень мягком. Пошевелился, но тут же болью отозвались потревоженные ожоги, заскорузлая высохшая тряпка неприятно тёрлась о раны. Соображая как быть дальше, услышал тяжёлую поступь, увидел, как открылись дверцы его темницы и своего спасителя, замершего в проёме.

Особь пробурчала что-то, похоже ласковое и осторожно взяла гровела на руки.

И кто же ты такой?

И что же тебе от меня надо?

У гровела была куча вопросов, но всё отошло на второй план, когда его усадили и принялись поить питательной жидкостью. На этот раз приятно тёплой и от того более вкусной. И даже жёсткая тряпка, беспокоящая ожоги, уже не представляла таких неудобств. Регенерация началась, до полного формирования тела осталось немного.

В этот раз он ел осторожно, даже старался аккуратно, а когда насытился, не стал выплёвывать еду, просто зажал рот и помотал головой. Его тут же поняли, перестали кормить, снова намазали чем-то и снова положили на мягкое. В этот раз запирать не стали – оставили так, чтобы он смог разглядеть место, куда попал.

Это точно не была лаборатория. И даже не тюрьма. Здесь пахло деревом, вкусной пищей, и даже запах особи, возившейся с ним, казался приятным. Гровел пощурился на источник света на потолке, разглядел закрытые тряпками проёмы окон, спасителя, неторопливо топающего по скрипучему полу.

Где он?

Машке нравилось ухаживать за подкидышем, нравилось чувствовать себя особенной, такой нужной и совсем взрослой.

Как мама.

Она с интересом разглядывала своего ребёночка: тёмненький, корявенький, морщинистый, головастый. Мальчик.

– Буду звать тебя Гришкой! – решила Машка. Был у них в селе один парень – Гришка. Уж больно статный да ладный. Загляденье! Все незамужние девки по нему сохли, все, даже Машка. По-тихому, никто и не знал даже. – Будешь Гришкой Кожанкиным!

И от этого решения ей стало совсем хорошо, даже радостно. Теперь она будет не одна. Главное – чтобы про Гришку никто не узнал. А потом видно будет. Потом она что-нибудь придумает.

Планетянин

Утром Машка накормила Гришку жидкими щами на свежей капусте. Найдёныш жадно ел наваристый бульон, тянул к ложке окрепшие ручки и смешно чавкал. А потом завонял и обмочился. Пришлось Машке мыть его в ведре и стирать заскорузлую от масла тряпку.

На раны, зажившие на Гришке за одну ночь, Машка не обратила внимания. Так же не удивилась, когда вечером, перед ужином, Гришка, положенный на кровать, встал на тоненькие ножки, держась за стенку.

Гровел понял – он в личном жилище особи и особь здесь одна. Причину, по которой за ним так тщательно ухаживают, ему предстояло выяснить.

– Гришка, скажи мама! – попросила Машка, сама себя стесняясь. Никто не называл Машку мамой, и ей было неловко, но уж больно хотелось услышать от найдёныша-сыночка такие слова. Она сидела напротив него за столом, вытянув уставшие за день ноги. – Гришка, скажи мама! Мама! Мама! Мама!

– Ма! – выдал дитёнок, внимательно слушая, что она говорит.

Машка замерла с раскрытым ртом, а потом залилась краской и громко засмеялась.

– Маша, я банку принёс!

Дед Колян вошёл в комнату, ответно улыбаясь на девичий смех. Но как только Машка его заметила, сразу перестала хохотать, испуганно дёрнулась на стуле, затравленно посмотрела на деда.

– Маш, ты чего?

Дед Колян обомлел, удивился, но проследив за Машкиным отчаянным взглядом, сам охнул, отпрянул к двери, но тут же взял себя в руки.

– Мой это! – замычала Машка, бросилась к кровати и закрыла найдёныша спиной. – Мой, не дам!

– Да ладно ты, Маш! – тихо отозвался дед. – На кой он мне нужен? А кто там у тебя? Покажи.

Он сделал несколько шагов Машке навстречу, попытался заглянуть за её плечо.

– Мой! – рывкнула Машка, раскинула в стороны руки и растопырила пальцы. – Я нашла!

– Да твой, твой, – спокойно ответил дед. Главное, чтобы эта зверушка не была опасна для самой Машки. Он должен был убедиться. – Ты покажи, я никому не скажу.

– Никому? – недоверчиво засопела Машка.

– Никому, вот те крест! – и дед Колян начертил на груди размашистый знак оберега. – Покажи.

– Ладно! – Машка сдалась. Отодвинулась.

– Господи ты Боже! – выдохнул дед, когда перед ним показался голый уродливый человек. – Это что за тварь-то такая?

– Это не тварь! – тут же вступилась Машка, засопела обиженно и поглядела на деда хмурым, недовольным взглядом. – Это мой Гришка! А я ему мама!

– Эка невидаль, глянь, и впрямь как ребёночек.

– Ма! – квакнуло создание, потянулось к Машке и спряталось у неё за спиной.

– Ба! – поразился дед. – И калякает что-то, глянь! Ну, Маш, рассказывай, откуда ты его такого раздобыла?

– В лесу нашла, – уже более покладисто ответила Машка. – Под кустом. Выбросил кто-то, а я подобрала. И теперь он мой! – напомнила она, снова нахохлившись на деда.

– Да твой, – отмахнулся он. – Мне-то оно и подавно не нужно.

– Деда, ты никому не скажешь?

В глазах Машки дед Колян увидел столько тоски, столько боли, что уверенно кивнул. Не скажет. Понимал – если пустит слух, уродца у Машки тут же отберут. По селу уже шли разговоры о твари из болота, которого местные охотники гнали два дня, но потеряли. Сомне-

ний не было – гнали этого уродца. У Машки его отнимут, даже не спросят. И останется деваха одна, совсем без присмотра. А тут глядишь, и чудить не станет, заботой обяжется. Внимание опять же, ей надо. А уродец этот вроде не опасный даже. Вон, корявый, беззубый, худющий, аж дрожит весь на своих кривых ножках.

– Кто ж ты такой? – спросил дед найдёныша, тот лишь сильнее прижался к Машке. – Планетянин, что ль?

– Гришка это! – засмеялась Машка. Вот дед чудит. Как же её сын планетянином окажется? – Это мой Гришка, деда!

– Ну, Гришка, так Гришка, – сдался дед. – Ладно, Маш, я пойду. Можно я заходить буду Гришку проведывать?

– Заходи, – кивнула Машка. – Но один! И никому не рассказывай!

– Никому, – пообещал дед. – Это будет наша тайна, да, Маш?

– Тайна, – облегчённо вздохнула Машка.

Дед ушёл, а она достала из-за спины Гришку, посадила на колени и прижала к груди. Хорошо-то как!

Сколько бы гровел ни размышлял, но похоже, особь его, гровела, оберегает. Это стало понятно, когда к ним в жилище зашёл старый охотник. В том, что это был именно зверолов, гровел понял сразу – походка осторожная, но в то же время лёгкая, взгляд зоркий, внимательный, да и тело хоть и старое, но весьма крепкое. Ошибиться он не мог. Когда-то и сам был одним из таких...

Охотники, как этот гость, гнали его совсем недавно два дня по болотам и непроходимым чащам. А потом загнали в подвал полуразвалившегося жилища и схватили.

Гровел инстинктивно кинулся за широкую спину своего спасителя, вцепился дрожащими пальцами в его одеяния и выдал единственно выученный за сегодня звук «Ма!»

И охотник ушёл.

А гровел снова оказался прижатым к спасителю и снова услышал чёткие удары его сердца. Было необычно приятно и спокойно.

И странно. Никто и никогда его не оберегал. Молодые сознания его типа особо не ценились, и их временные тела легко пускались в расход. А он перерождался много, очень много раз...

Спаситель учил его говорить, часто повторяя одно и то же слово «Ма», от чего гровел сделал вывод – это имя. Осталось понять чьё – спасителя, или ему дали такое прозвище?

Машка порылась в шкафу, нашла старую ночнушку, что носила в детстве и надела на Гришку. Он охотно нацепил наряд, сел рядом с ней и доверительно устроился на Машку.

С соседнего дома послышалась громкая музыка, так резко разорвавшая тишину в доме, что и гровел, и она сама непроизвольно вздрогнули. У соседа опять гулянка, опять будут не спать всю ночь, горланить песни, кричать и ругаться до утра. Сосед Иваныч – мужик склочный, скупой. Машке он не нравился, но мамка всегда говорила – живи тихо, никто тебя не тронет. И если Машка встречалась с Иванычем на улице, старалась прошмыгнуть мимо, бросая тихое: «Здрасте». Не нравился ей Иваныч. Было в нем что-то гадкое и злобное – в его крадущихся движениях, цепком хитром взгляде, скрипучем, вечно недовольном голосе. И жена ему была под стать – низкорослая толстая тётка Нинка. Машке не раз доставались от неё насмешки и оскорбления, даже если рядом была её мать. Нинку Машка боялась даже больше, чем Иваныча, особенно после того, как на мамкиных похоронах Нинка, не стесняясь никого из гостей, предложила отправить Машку в дом престарелых, потому что никого у неё больше не осталось.

Машка закрыла окна, задернула шторы, села рядом с Гришкой и тихо попросила:

– Скажи мама?

Зависть

Рано утром Иваныч зашёл в чужой двор словно к себе домой. Хотел подкараулить Машку у крыльца, зайти в дом, но наткнулся на старенький замок. Машка уже встала и ушла к скотине. Он пошарился по окнам, ничего не увидел и сел на крыльцо. Ждать.

Нинка влетела во двор, бегло огляделась, кивнула мужу:

– Где?

– Скотину убирает, – недовольно ответил Иваныч. Достал из кармана дешёвую папиросу, закурил, стряхивая пепел прямо на крыльцо.

Нинка пробежалась по двору, присмотрелась. Ловко перебрала пустые ведра, быстренько сунула в карман крышки от банок, что сушились на заборе. Покопалась бы ещё, но тут появилась Машка. Увидев соседей, девушка съёжилась, насупилась и молча прошла мимо.

– Чего запираешься?

Недовольный тон Иваныча напугал Машку больше обычного.

– Чего прячешь-то? – подскочила Нинка. Близко подскочила, заставила смотреть себе в глаза. – А? Чего?

– Ничего, – буркнула Машка.

– Иди открывай! – Нинка подхватила Машку за локоть и легонько подтолкнула к крыльцу.

– Не буду!

Машка упрямо встала посреди двора, опустила глаза, старательно избегая внимательного взгляда соседки. А потом развернулась и ушла к сараям.

Иваныч докурил сигарету, зло сплюнул себе под ноги.

– Позже придём. Куда она денется. Пошли.

Нинка юлой пробежалась по двору, ещё раз перебрала разложенную по углам утварь и, прихватив старый цветочный горшок, юркнула вслед за мужем на улицу.

В деревне никогда не запирались двери и не занавешивались окна, но в последнее время в доме Машки Кожанкиной что-то происходило. Иваныч это чувствовал. Даже пытался к ней зайти, когда девка на огород уходила, но наткнулся на старенький висючий замок. Уж-то у Машки полюбовник завёлся? Он поделился мыслью со своей женой, и та загорелась любопытством. Не терпелось бабе рассказать про Машкины похождения.

Этой ночью, пока гости из столицы пили и плясали во дворе, они тихонько вышли за ворота, прокрались в Машкин двор. Заглядывать в окна начали сразу, как вошли в палисадник, старались тихо, даже не разговаривали, боялись себя обнаружить и спугнуть ненормального, позарившегося на дурочку.

Через щель, неприкрытую старенькой шторкой, сначала Иваныч, а потом и его жена увидели зверька, наряженного в детскую ночнушку. Удивлённо переглянулись. Иваныч покрутил у виска жирным пальцем, но потом зверёк встал на задние лапы и превратился в темнокожего уродца.

Нинка тихо вскрикнула, зажала рот рукой и отшатнулась от окна, едва не споткнувшись об мужа. Тот с отвращением сплюнул, махнул жене рукой и пошёл прочь. Видели достаточно.

– Это тот самый уродец, что охотники недавно по болотам гнали! – тихо шипел Иваныч, подходя к своей калитке. – Машка его нашла и пригрела, дура!

– Охотники вчерась у магазина были, я слышала, самого чёрта гнали, а он из машины вылез и пропал! – согласно кивая, протараторила Нинка.

– Вот и нашёлся, – зло усмехнулся Иваныч. – Только ты это, помалкивай, поняла? Зверушку мы заберём, когда Машку в суд повезут. Я с опекой договорился, там её сразу определят. А потом документы на дом оформим. Смотри, лишнего не сболтни!

– Да что ты, что ты! – залепетала Нинка, открывая перед мужем калитку. – Чего добруто пропадать?

На следующий день к Машке из города приехали представители органов опеки.

* * *

Гровел услышал громкие голоса на улице, испугался и юркнул в шкаф – единственное в комнате убежище. Зарывшись в старое тряпье, с испугом ждал, когда прекратятся возбуждённые крики. Вскоре голоса переместились в дом, притаив с собой громкие стуки и нервные шаги. Среди незнакомых звуков гровел разобрал плач уже ставшей почти родной особи, которую он прозвал Ма. Наверняка её обижали, но помочь он не мог. Пришедших было слишком много. Ему оставались часы, чтобы организм окончательно сформировался, и мышцы налились силой. Гровел тихо сидел в тёмном шкафу, в отчаянии сжимая корявыми пальцами какую-то тряпку, по звукам понимая, что с его Ма случилась беда.

Возня и крики продолжались недолго. Жилище внезапно опустело, и снова стало тихо и спокойно, как было раньше. Захотелось выбраться и снова увидеть Ма, понять, что всё страшное прошло и уже не повторится. Хотелось прижаться к доброй груди и снова слушать стук здорового сердца. Гровел понимал – такого уже никогда не будет. Но те, кто пришёл за его Ма, не стали обыскивать дом, значит, у него есть шанс выбраться и благополучно схорониться где-нибудь ещё

И оставить Ма?

Он должен выжить. Должен найти шлюпку и передать данные командованию. Он должен исполнить свою миссию.

Он должен защитить свою Ма!

Гровел тихо открыл дверцы шкафа и тут же повалился на пол, придавленный чем-то тяжёлым.

– Держи! – услышал он грубый, злой голос. – Навались! Вяжи! Тащи!

Расстроенный, несобранный, он подпустил врага слишком близко.

Его засунули в мешок и беспощадно поволокли по земле и ухабам. Гровел отбил спину и ушиб голову. Попытался выбраться, но лишь устал. Понял, что вырваться будет непросто, притаился, приготовился ждать удобного момента.

Когда мешок перестал двигаться и наступила тишина, гровел прорвал грубую ткань отросшим клыком, выбрался, настороженно огляделся. Небольшая деревянная постройка с крепкими, без щелей стенами. Ерунда!

Он присел в углу и начал быстро копать землю окрепшими пальцами с длинными острыми когтями.

Нужно выбираться как можно скорее.

Нужно найти Ма!

Побег

Вернувшись с охоты дед Колян не сразу узнал, что Машку увезли в город, а когда до него дошли слухи, кинулся к ней домой, но натолкнулся на распахнутые двери и беспорядок в комнатах.

Следов найдёныша Гришки он не обнаружил и, не зная что делать, устало присел на покосившееся крылечко. Ну кому надо было девку из дома выгонять? Жила себе и жила тихо, никого не трогала, никому не мешала...

На разбитой дороге машину так сильно трясло, что Машка, не привыкшая к поездкам, даже плакать перестала и только сидела, обхватив голову руками, мыча от боли и тоски. Она

совсем не хотела куда-нибудь уезжать, даже пыталась драться с участковым, но тот пригрозил наручниками и затолкал в машину. Какая-то незнакомая тётка с большим портфелем в руках села рядом и равнодушно уставилась в окно.

Так доехали до леса.

Машка попросилась в туалет. Ей разрешили уединиться.

Она устала, выбилась из сил и, похоже, заблудилась. Казалось дом совсем рядом, стоит только выйти на поляну перед селом, но лес всё не кончался, пугая и путая Машку густыми зарослями.

Убегая от своих мучителей, она постаралась забраться как можно глубже, но заплутала. Лес охватила сумеречная пелена, сразу похолодало, потянуло удушливым запахом болота. Машка испугалась. Знала, что места здесь гиблые, нужно быть осторожной, но всё бежала и остановиться не могла.

Усталость путала ноги, сбивала дыхание, кружила голову. Машка дёрнулась и упала, запутавшись в траве и мучительно, протяжно завывала, заревела, сминая пальцами сырой мох, натужно вытолкнула из пересохшего горла протяжный вскрик:

– Гри-ишка-а!

Ночное эхо подхватило отчаянный вопль, смакуя разнесло по лесу.

Машка услышала треск веток, чью-то быструю поступь и замерла, съёжилась, с отчаянием и беспомощностью вглядываясь во тьму. Зверь идёт...

– Гришка! – проскулила она тихо. – Гришенька-а!

Свернулась калачиком и смиренно замерла. Вот и всё. От зверя не убежишь. Даже не вздрогнула, когда на неё налетело что-то мощное и тяжёлое

– Ма! – раздалось над Машкой. – Ма!

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

Ковчег Часть 1 Глава 1

Мечта всей её жизни ловко пряталась под поверхностью планеты, будоража нервы нераскрытой тайной. Ковчег терпеливо дожидался Александру, готовый подтвердить её сенсационное предположение о происхождении видов на Земле.

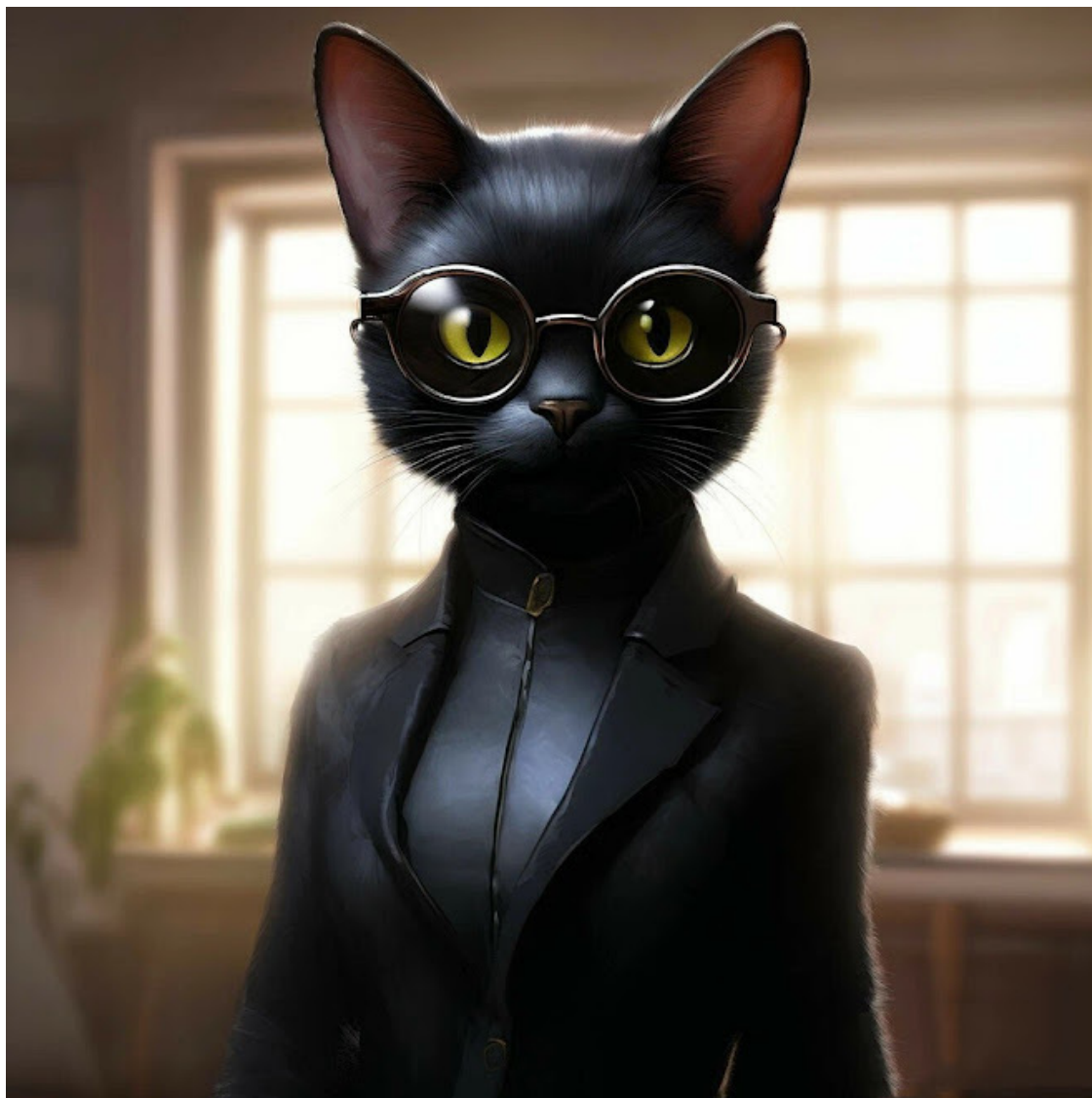
– Опять не то! – устало вздохнула она, не отрывая взгляд от монитора. Её пальцы молниеносно летали по клавишам, не останавливаясь ни на секунду.

– У-умница! – протянул лютик, изобразил на своей мордашке улыбку, качнув большой головой, увенчанной ярко-синими соцветиями.

– Я всё продала! – Кошка Европа суетливо пронеслась мимо стола Александры, прижимая лапами к груди кучу инфо-листов. Документы, забитые информацией, тускло освещали её

иссиня-чёрный мех. Европа проходила стадию линьки, и отторгнутая шкуркой шерсть летела за кошкой маленьким облачком.

Она пробежала мимо лютика, тот невольно вдохнул насыщенный волосками воздух. Поморщившись, громко чихнул и богатые, с усердием выращенные лепестки плавно закружились вокруг его мордашки. Он проводил любимый наряд удручённым взглядом и грустно произнёс:

– У-умница...

– Удивляюсь! – хохотнула Европа, быстро работая лапками. Инфо-листы молниеносно исчезали в навороченном кейсе. – Артегианцы заинтересованы в нашей последней находке больше, чем земляне! Они готовы заплатить. И не плохо, очень не плохо! – выдохнула она, довольная по всем статьям.

Александра нашла Европу несколько лет назад в одном пропитом и прокуренном кабаке Гималаев. Тогдашний поход оказался крайне неудачным – было потрачено много кредитов, потеряна уйма времени и всё, что хотелось после нескольких недель бесплодного труда – оторваться и забыться. Первое, на что наткнулась озлобленная неудачами девушка – была дешёвая забегаловка. Но тогда это дрянное место, после нескольких полуголодных недель и адских

трудов, показалось Раем. Александра ушла в загул на неделю, беспечно просяживая последние кредиты. Там же она увидела Европу. Облезлая кошка-мутант разносила посетителям дешёвое пойло и сигареты, а в перерывах пела на импровизированной сцене старинные романсы... Европу стало жалко. Мучимая похмельем и сердечными порывами, Александра уговорила мутанта уехать с ней.

Как оказалось, Европа имела нюх. Не острый, кошачий. Свой природный нюх она потеряла в злополучном баре. Нюх на кредиты. Ей удавалось продавать найденные Александрой артефакты за бешеные деньги. В их клиентах числились не только земляне, но и инопланетяне. Причём последние были настоящей кормушкой. Цветистые речи Европы вытягивали драгоценные кредиты с невероятной лёгкостью. И даже скупые артегианцы готовы были щедро платить.

– Это хор-рошо! – довольно протянул свин Антон. Его странное «р» выплывало из широкого рта сочным утробным звучанием. Если бы обычные свиньи могли говорить, они произносили бы «р» именно так.

Он сделал огромный глоток водки прямо из отверстия в банке и пафосно закончил:
– Р-работайте, девочки!

– У-умница, – горестно выдохнул лютик и принялся отрачивать новые лепестки.

– Ты бы завязал с выпивкой, – с презрением обойдя внушительную гору банок из-под водки, пива и вина, скопившуюся рядом со свином, Европа брезгливо оцетинилась, наступив в липкую лужу вермута.

– Ни за что! – хохотнул Антон. – Я за это удовольствие работать начал! – довольно хрюкнул и снова отпил из банки. – Хор-рошо-о!

– Алкаш! – фыркнула Европа.

– Да-а! – едва не млея от счастья, ответил свин. – Да!

Александра лишь улыбнулась и продолжила забивать данные. Перепалки между кошкой и свином всегда заканчивались довольным согласием последнего на все обидные слова Европы.

Александра обнаружила свиноподобный вид мутантов в непроходимых (когда это было!) местах Тунгусских лесов. В поисках почти сказочного «Тунгусского метеорита» она прочесала все окрестности леса вдоль и поперёк. Нашла. Это оказался все лишь небольшой венерианский корабль. Самая, можно сказать, его неудачная разработка. Машина не выдержала давления у поверхности Земли и самоликвидировалась, испарив, большей частью, не только себя, но и весь экипаж. Жалкие останки внеземной цивилизации исчезли под толстым слоем земли и корнями растений. Но всё же, кое-что удалось собрать. Доказательств хватило, чтобы Европа смогла обеспечить им безбедную жизнь на несколько месяцев.

Там же, среди топей, Александра обнаружила новый вид существ. Свино-мутанты плодились и процветали на болоте и совершенно не интересовались окружающим миром, попивая сивуху собственного изготовления, пока мир не нашёл их сам...

Они напрочь отказались становиться частью современного общества, быстренько организовали партизанские отряды и не пускали к себе никого. Свин Антон увязался за Сашей из чистого любопытства. Ушёл и не вернулся. Да и в его племени, после такого предательства, дезертиру Антону были не особо рады.

С удовольствием освоив приготовление отбивных из домашней свинины и вкусив «божественный нектар» фабричного алкоголя (в его племени варили исключительно клюквенный самогон), он остался с Александрой навсегда.

Как ни странно, свин сгодился для дела. Его невероятное чутье не раз помогало Александре выбираться из опасных ситуаций. Антон чувствовал ловушки. Он мог определить степень опасности на расстоянии. Что и говорить, незаменимый дар при такой работе. Используя свина, Александра могла добраться до самых опасных участков, хранивших тайны и загадки Земли. Это была её работа. Это был их хлеб.

В кабинет тихо вошёл Тотошка, уселся около хозяйки, положив широкую морду ей на колени. Девушка потрепала собаку по холке и продолжила работу. Тотошка грустно вздохнул и улёгся у её ног. Ему было далеко за пятьдесят. Все органы и скелет уже давно заменяли имплантаты. Совсем недавно пришлось обновить шкуру. Его мозг – единственный родной орган – поддерживал стимулирующий биочип.

Тихо запищал скайп. Не отрываясь от расчётов, Саша позволила ему включиться. Лютик, стесняющийся своей пока ещё не цветущей внешности, юркнул в темноту, с трудом утащив свой красивый горшок.

– Александра Николаевна, добрый вечер! – улыбнулся представительного вида биоробот. – Вам послание от Центра Археологических Исследований. Передаю информацию: уважаемая Александра Николаевна! Центр Исследований просит Вас присутствовать при вскрытии археокапсулы в долине реки Волги у населённого пункта Воложба. Наши сотрудники будут ожидать Вас сегодня в полдень. Данные пути во вложенном файле.

Экран замигал красным, что означало сообщение чрезвычайной важности.

Александра недовольно поморщилась. Не любила она госзаказы. Платят мало, но отвергаться невозможно, иначе правительство аннулирует её лицензию на право добывать артефакты.

– Ваш ответ? – приятное лицо биоробота терпеливо замерло на экране.

– Еду, – выдавив улыбку, ответила она. – Уже еду.

– Благодарю! – услужливо проговорила очеловеченная почта и отключилась.

Тяжело вздохнув, Саша набрала код в табличке присланного файла и отправила данные маршрута на свой аэробус. Тут же пришёл ответ: лететь до пункта назначения четыре часа. Отлично. Хватит времени, чтобы поспать.

– Ненавижу связываться с ЦАИром, – недовольно проворчала девушка. – Гордая нищета, работающая за идею! Гаиновцы поганые...

Гаиновцами погаными назывались работники Государственного Археологического Института Находок – самые опасные конкуренты свободных археологов. Они отнимали не только заказы, но драгоценное время. Потому и были погаными.

– Жуткие типы! – рыгнув, согласился свин. – А нас они называют др-ревновидными пр-роститутками! – он весело заржал и снова рыгнул. – Завидно, гадам! У них и половины нашего зар-работка нет! Иду собир-раться. Мы надолго?

– Не думаю. От нас требуется всего лишь оценка рисков. К вечеру вернёмся домой.

– Ладно. Тогда я бер-ру «Малыша».

«Малышом» звался миниатюрный самогонный аппарат, который свин купил на первые заработанные своим трудом кредиты. За малышом появился «Друган», за ним «Батяня». Не стоит труда догадаться, что один аппарат был больше и мощнее другого. В итоге, когда появился «Царь Царей», свин остановился и завязал с ностальгией. Из всех представленных в коллекции самогонных аппаратов он использовал только компактного «Малыша», когда выезжал на задания, предпочитая в свободное время попивать заводское пойло.

Европа недовольно фыркнула, Антон весело хрюкнул.

– У-умница? – просительно простонал лютик и посмотрел на Александру несчастными глазками. Перспектива остаться один на один с линяющей кошкой вызывала ужас у меркантильного растения.

– Ладно, – согласилась Александра. Сейчас на континенте стояло жаркое лето, да и лютик давненько не был на улице.

Цветок радостно гукнул и, протянув к Александре тонкие веточки, произнёс:

– У-умница!

– Тототка, гулять! – позвала девушка.

Пёс радостно тявкнул, завилял хвостом и бросился в гараж.

– На пр-рогулку! На пр-рогулку! – хрюкал довольный свин, усаживаясь на заднее сиденье, осторожно ставя коробку с «Малышом» себе на колени. Как-то Александра предложила убирать аппарат в багажник, на что свин обиженно спросил:

– А ты бы своего р-ребёнка в багажник засунула?

Александра устроилась на сиденье, помахала Европе, не расстающейся с кейсом и инфо-листами.

– Приятного путешествия! – пожелал автопилот. Аэробус плавно поднялся, грациозно выплыл из автобокса.

– Поехали! – хрюкнул довольный свин и тут же захрапел, продолжая нежно сжимать в руках коробку с самогонным аппаратом.

Александра отключила внешние звуки на своём кресле, с удовольствием закрыла глаза. Целых четыре часа спокойного сна. Приятный сюрприз.

Глава 2

Аэробус плавно приземлился на стартовую площадку, выключил двигатель и мелодично прозвенел будильником. Убедившись, что все живые существа проснулись, автопилот пожелал удачного дня и отключился.

Александра сладко потянулась, чувствуя прилив сил после полноценного сна. Свин уже выбирался из аэробуса, Тотошка нетерпеливо ждал команды хозяйки, чтобы выйти и размяться. Его сухожилиям и мышцам не требовались физические нагрузки, но память заставляла бегать и скакать по просторам. Александра выпустила пса, взяла в руки лютик и выбралась из аэробуса. Жар полуденного солнца тут же окатил девушку душной волной.

– Кто вы? – услышала она недовольное восклицание за спиной. – Кто разрешил вам приземляться здесь?

Обернувшись, Александра наткнулась взглядом на загорелую мужскую грудь, выглядывающую из расстёгнутой цветной рубашки.

– А вы кто? – прикрывая зевок растением, вяло спросила Саша и только потом подняла голову, чтобы рассмотреть недовольного.

– Извольте отвечать, когда вас спрашивают!

Недовольным оказался включенный сердитый парень с обветренным лицом.

Тотошка тихо зарычал.

– Я Александра Бойко! – вздёрнув подбородок, ответила Александра. – Меня вызвал Институт!

– Как? – Человек заметно растерялся. Развернув мятый лист! бумаги (вот где древность поселилась), он рассеянно прочёл:

– Ожидается прибытие Ал. Ник. Бойко. Специалиста по безопасному прохождению ловушек...

– Александра Николаевна Бойко – это я! – представилась девушка, нахмутив брови. – Это меня вы тут все ждёте!

– Бабу прислали! – раздосадовано прошептал грубиян.

– Вы что-то против меня имеете?! – вспыхнула Александра, лютик испугался и закрыл распустившиеся соцветия веточками. – Кто дал вам право так со мной разговаривать? Вы что, никогда не слышали о профессоре Бойко?

– Слышал, – с тяжким вздохом ответил незнакомец. – Ваша фамилия у всех на слуху, но про вас никто ничего не знает. Кроме ваших работ, конечно, которые вы подписываете как А. Бойко.

– Это моё дело! – огрызнулась Александра. В рядах вольных археологов известность была только обузой.

– Жак! – мужчина с неожиданным дружелюбием протянул руку. – Извините.

– Извиняю! – рявкнула Александра. – Покажите, где тут у вас что, я выполню свою работу и разбежимся.

– Как хотите, – Жак безразлично пожал плечами. – За мной!

Свин всё это время тихо стоял в сторонке, весело похрюкивал и переводил хитрые глазки с одного спорщика на другого. Людские склоки его всегда забавляли. Когда Шурочка была не в духе, её щеки смешно краснели, а голубые глаза сверкали как бриллианты, что напоминало свину о несметных богатствах...

Перед Александрой предстал огромный серый шатёр, окружённый валами серой земли. Вдалеке виднелись многоэтажки городка. По всей видимости, это и была Воложба. Рядом раскинулась величественная и прекрасная Волга. Что-то было во всём этом не так, но что именно, Саша понять не успела. Жак откинул полог шатра и махнул Александре рукой, приглашая следовать за собой. Девушка приказала Тотошке ждать у входа и вошла следом. Увидев квадратную яму с подвешенным на краю лёгким лифтом, Александра осторожно заглянула внутрь. Яма заканчивалась пещерой, уходящей вглубь земли под углом.

– Что там? – сразу спросила она, краем глаза заметив ошетилившегося свина. – Что тут у вас?

Жак махнул рукой на огромный виртуальный монитор, висевший рядом. Александра бросила скучающий взгляд на изображение и замерла.

– Не может быть! – выдохнула она. – Не может быть!

– Справитесь? – буднично спросил Жак. – Я пойму, если что...

– Издеваетесь? – с деланной строгостью воскликнула Саша.

– Не думал, что вы так заинтересуетесь этим старым куском космического мусора, – удивился Жак. – Я нашёл всего лишь древний метеорит. Кстати, у нас два дня. Если за это время мы не доберёмся до артефакта, институт сворачивает проект. На этом месте город планирует устроить лесную зону.

– Смешно! – Александра оторвалась от монитора и тихонько хохотнула. – Я хочу поговорить с вашим начальством. Где все?

– Я тут один, – как само собой разумеющееся, произнёс Жак. – Не заметили ещё?

– Одним словом, гаиновцы, – растерянно произнесла Александра.

Это было несомненной удачей. Обычно Институт назначал бригаду археологов. Но были случаи, когда находились такие вот жаки, одержимые идеей. Они в одиночку перелопачивали тонны земли в поисках сенсации. За гроши, на одном энтузиазме! Максимум, что им «грозило» за такой тяжёлый труд – всемирное признание. Смех, да и только!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.